

ГЛАВА 9. ЦАРЕУБИЙСТВО

Мы подробно остановились на внешне- и внутривластной ситуации после переворота именно потому, что обычно драму в Ропше рассматривают вне контекста сопутствовавших ей событий. Благодаря этому рвутся нити, связывавшие гибель Петра III с конкретной обстановкой, замыкая исследователей в узком ропшинском мирке.

«ВЕЛИКОДУШНЫЕ НАМЕРЕНИЯ»

29 июня в Петергофе Панин лично отобрал «батальон в триста человек» для охраны свергнутого императора, «чтобы отвратить пьяных и усталых солдат от возможности покушения». Раздавленный, измученный Петр чуть не на коленях просил Никиту Ивановича разрешить Елизавете Воронцовой остаться с ним. Ассбург писал: «Панин... обещал ему принести ответ Екатерины, но послал ответ через другое лицо. Ответ последовал отрицательный»¹.

«Романовну» посадили в дормез с закрытыми окнами и отправили сначала в столицу в дом ее отца, а затем в Москву, дав приказание жить тихо, не обращая на себя внимание. Когда Воронцова вышла замуж, ей разрешили вернуться в Петербург. Наказание более чем мягкое. Однако на дело можно посмотреть и с точки зрения побежденных. Несчастливая пара вызывала жалость. Почему фаворитке не разрешили остаться? Отнимать у поверженного человека утешение — жестоко.

Первое, что приходит в голову — Воронцовой не позволили сопровождать свергнутого императора в Ропшу, чтобы избавиться от лишнего свидетеля. Однако у Екатерины имелись и более тривиальные причины для подобного шага. В письме к Понятовскому она сообщала, что муж попросил «лишь свою любовницу, свою собаку, своего негра и свою скрипку; боясь, однако, скандала и недовольства людей, его охранявших, я выполнила только три последние его просьбы»². О каком скандале речь?

Рюльер писал, что в Петергофе при выходе из кареты гвардейцы схватили бедную «Романовну» и оборвали с нее знаки ордена Св. Екатерины. Возможно, это сделали по наущению. Ведь ношение любовницей государя «семейного» царского ордена было оскорбительно для императрицы. Но, исходя из настроения войск, подначивать их к бесчинствам не требовалось. Отправить в Ропшу одну женщину в окружении сотни хмельных солдат и всего четырех офицеров можно было только из мести. Кроме того, пребывание фаворитки на мызе послужило бы поводом для нежелательных сцен между свергнутым императором и его стражами. Таким образом, не примешивая сердце к политике, императрица поступила дальновидно и даже милосердно.

Можно предположить также, что за сестру просила Дашкова³. Но в «Записках» княгиня показывает: она этого не делала. Сразу по возвращении в столицу Екатерина Романовна направилась в дом отца, где «выслушала длиннейшую жалобу» бывшей фаворитки. «Я уверила сестру в моей нежности к ней и сказала, что не говорила еще с императрицей о ней, потому что была убеждена, что у государыни самые благожелательные и великодушные намерения... Действительно, императрица потребовала только ее отсутствия во время коронационных торжеств»⁴. Затем княгиня привела свой разговор с августейшей подругой, в котором просила за родственников по линии мужа. Это все.

Рюльер поместил в книгу трогательную сцену, случившуюся по возвращении императрицы из Петергофа: «На другой день поутру... молодые дамы, которые везде

следовали за императором... [и] питали ненависть к его супруге, явились к ней все и поверглись к ногам ее». Нечто похожее рассказывал ювелир Позье. «Большая часть из них были родственники фрейлины Воронцовой. Видя их поверженных, княгиня Дашкова, сестра ее, также бросилась на колени, говоря: “Государыня, вот мое семейство, которым я вам пожертвовала”. Императрица приняла их всех с пленительным снисхождением и при них же пожаловала княгине [орденскую] ленту и драгоценные уборы сестры ее»⁵. Последняя деталь не во вкусе Екатерины Романовны, но слухи о «завладении ею сестриными вещами» действительно носились по Петербургу. К сожалению, в рассказе Рюльера желаемый поступок выдан за действительный.

Брат Александр пенял княгине в письме из Англии: «За ваши заслуги вы должны были бы просить одной награды — помилования сестры и предпочесть эту награду Екатерининской ленте». Дашкова отвечала: «Я ничем не обязана ни ей, ни кому-либо из моей родни»⁶. Александр напомнил множество услуг, которые Елизавета оказала сестре, например, помогла отправить мужа Дашковой после ссоры с императором послом в Константинополь и предложила молодой паре только что подаренный ей самой дом. Из семейных препирательств ясно одно: почвой для них послужило «равнодушие» сестры-победительницы к судьбе побежденной.

Значит, просьба подруги на позицию Екатерины не повлияла. Возможно, императрица все еще питала к мужу род ревности. Во всяком случае, ей неприятно было все, касавшееся фаворитки.

Зададимся следующим вопросом. Почему Екатерина не повидалась с супругом перед его отправкой в Ропшу. Что было бы логично. Несостоявшееся свидание — лучший козырь против обвинений императрицы в страсти к мучительству. Она не пришла насладиться унижением врага. А ведь Петр был раздавлен, плакал и целовал руки Панину. Для человека, желавшего утолить чувство мести, такое зрелище — бальзам на раны. Но наша героиня не воспользовалась случаем.

Первая причина, удержавшая императрицу от личной встречи — обстановка в Петергофе. Она рассказала Понятовскому случай, как будто не касавшийся Петра лично, но очень характерный для понимания ситуации. «Поскольку было 29-е, день Святого Петра, необходим был парадный обед в полдень». Пока его готовили и накрывали праздничные столы, солдаты вообразили, что кто-то из вельмож старается помирить императрицу с привезенным в резиденцию мужем. Подозрения пали на старика-фельдмаршала Трубецкого, которого гвардейцы не любили. «Они стали приставать ко всем проходившим мимо — к гетману, к Орловым» и требовать государыню. Логика служивых была проста: Трубецкой старается, «чтобы ты погибла — и мы с тобой, но мы его разорвем на куски». Екатерина подчеркивала, что это были «их подлинные слова».

Она велела фельдмаршалу немедленно уехать, пока сама будет «обходить войска пешком», и тот «в ужасе умчался в город»⁷. Важно, что Трубецкой ни на минуту не усомнился в осуществимости угрозы. И Екатерина считала ее реальной, поскольку отправилась лично успокоить полки. Как развивались бы события, узнай гвардейцы, что «Матушка» встречается со свергнутом императором? В августейшей чете еще мог восстановиться мир, а нарушителям присяги пришлось бы заплатить головами. Поэтому одного слуха было достаточно, чтобы спровоцировать «помирающую от страха», хмельную массу на расправу. Тогда бы «разорвали на куски» уже не Трубецкого...

Но имелась и другая причина отказа императрицы от встречи с мужем. Перед отречением Петру III были даны некие обещания относительно его будущего. «Петр, отдаваясь добровольно в руки своей супруги, был не без надежды»⁸, — заметил Рюльер. Государь думал, что его отпустят в Голштинию. При отречении присутствовали генерал Измайлов и Григорий Орлов. От имени Екатерины они заверили поверженного монарха, что его желания будут исполнены. Однако сама государыня никаких обещаний не давала. Это было очень умно, потому что выполнить их она бы не смогла. А Екатерина

предпочитала держать слово. Извернуться, промолчать, избежать прямого объяснения — но не лгать. Таково было ее кредо, хорошо прослеживаемое по документам.

Если бы наша героиня встретилась с супругом, ей пришлось бы либо подтвердить обязательства, либо отказать. Последнее могло вызвать у Петра бурю эмоций, а его следовало побыстрее и без скандала отправить из резиденции, где безопасность монарха ничем не гарантировалась. Между тем уже 29-го в Петергофе Екатерина приняла решение не отпускать мужа в Германию, а заключить в Шлиссельбург.

Она отправила приказ генерал-майору Силину* в тот же день собрать «безымянного колодника» — Ивана Антоновича — и отбыть с ним к новому месту заключения в крепость Кексгольм. «А в Шлиссельбурге... очистить внутренней крепости самые лучшие покои и прибрать... которые изготавив, содержать до указа»⁹. Бросается в глаза поспешность действий — сразу же вывезти Ивана, а комнаты для нового узника хотя бы прибрать. Отделать их можно будет и позднее. Мнение, что Екатерина этим указом старалась отвести глаза обществу, а сама втайне готовила убийство мужа, противоречит характеру документа. Приказ был тайным, о нем знали императрица, пара человек из ее окружения — скорее всего Панин и Орлов, и адресат — генерал-майор Силин. Остальным повеление осталось неизвестным.

Реальность намерений поместить Петра в Шлиссельбург доказывается вывозом Ивана Антоновича. Содержать двух венценосных узников в одной крепости неразумно. Затея императрица хитрую игру — ей незачем было бы трогать «безымянного колодника», ведь риск при переезде в другую тюрьму весьма высок. Что и подтвердилось историей неудачного путешествия. 4 июля Силин донес, что их с арестантом разбило бурей на озере, и теперь они находятся в рыбацкой деревне Мордя, ожидая новых кораблей из Шлиссельбурга. Это был удачный момент для побега или похищения узника. Стоило ли так рисковать без нужды? Ведь у Ивана Антоновича имелось много сторонников, и переворот в его пользу был едва ли не реальнее, чем реванш Петра III. Тем не менее «безымянного колодника» потеснили.

2 июля Екатерина послала в Шлиссельбург приказ обер-коменданту Бердникову принять присланного от нее подпоручика Измайловского полка Плещеева «с некоторыми вещами на шляпках отправленными». «А вам... повелеваем по всем его Плещеева требованиям скорое и безостановочное исполнение делать»¹⁰, — заключала императрица. Спешка продолжалась. Покои для свергнутого императора приводились в порядок.

«ГОСУДАРЬ В ОКОВАХ»

Тем временем он сам находился в крайне тяжелом состоянии в Ропше. События переворота оказали на нервного, впечатлительного Петра страшное воздействие. Оно зафиксировано буквально всеми источниками. Никто из наблюдателей, каково бы ни было его отношение к происходившему, не сообщал, что свергнутый император вел себя мужественно или хотя бы достойно. Каждый по-своему передал потрясение и подавленность побежденного.

Мерси д'Аржанто едва ли не со злорадством доносил в Вену: «Во всемирной истории не найдется примера, чтобы государь, лишаясь короны и скипетра, выказал так мало мужества и бодрости духа, как он, царь, который всегда старался говорить так высокомерно; при своем же низложении с престола поступил до того мягко и малодушно, что невозможно даже описать»¹¹.

Рюльер сообщал, что по дороге в Петергоф с Петром приключился обморок. «Как скоро увидела его армия, то единогласные крики: “Да здравствует Екатерина!” — раздались с разных сторон, и среди сих-то новых восклицаний, неистово повторяемых,

---

* Имя этого должностного лица С.М. Соловьев прочел как «Силин», а К.А. Писаренко — как «Савин».

проехав все полки, он лишился памяти»¹². Для испуга имелись и более веские причины. «Император едва избежал опасности быть разнесенным в куски выстрелом из одной шуваловской гаубицы», — добавлял Шумаер. Петра спасло только то, что командир ударил канонира шпагой по руке, и тот «выронил горящий фитиль»¹³.

Уже в резиденции «при выходе из кареты его любезную подхватили солдаты и оборвали с нее [орденские] знаки. Любимец его был встречен криком ругательства»¹⁴, — продолжал французский дипломат. Датчанин уточнил, что Гудовича ограбили и «жестоко избили». Такое обращение с близкими людьми не могло оставить Петра равнодушным. Когда император очутился один, ему велели раздеться. «Он сорвал с себя ленту, шпагу и платье, говоря: “Теперь я в ваших руках”. Несколько минут сидел он в рубашке, босиком, на посмеяние солдат»¹⁵. В отличие от Рюльера, склонного к театральным сценам, Шумахер все-таки перед отправкой в Ропшу облачил Петра в «серый сюртук».

О том, что с бывшим государем обращались плохо, свидетельствовали многие иностранцы. Никто из них не был очевидцем, но город полнился слухами. 10 августа Беранже донес в Париж: «Офицеры, которым было поручено его (Петра III. — *О. Е.*) сторожить, самым грубым образом оскорбляли его. Вид несчастья вообще, и особенно Государя в оковах, во всяком чувствительном человеке вызывает сочувствие и, несмотря на его унижение, цивилизованные народы не забывают должного почтения к коронованной особе, которую он олицетворял. Но Московиты далеки от проявления жалости, столь естественной в добродетельных сердцах, они всегда усугубляют мучения жертв, вверенных их жестокосердию. Меня уверяют, что разнузданные солдаты с особой злобой вымещали на узнике за все сделанные Петром III глупости и нелепости»¹⁶. Три десятилетия спустя, во время казни Людовика XVI, можно было наблюдать «цивилизованный народ», оказывающий «почтение к коронованной особе» в «оковах».

Итак, с Петром III не церемонились, срывали на нем злость, переходя границы дозволенного. А ведь речь шла о гвардейцах, специально взятых из числа наиболее трезвых. «Я отправила свергнутого императора в сопровождении Алексея Орлова, еще четырех офицеров и отряда солдат, людей выдержанных, тщательно отобранных, за двадцать семь верст от Петергофа в место, именуемое Ропша, уединенное и весьма приятное»¹⁷, — писала Екатерина Понятовскому. В автобиографической заметке императрица поясняла то, что опустила в письме: «Чтобы предотвратить его (Петра III. — *О. Е.*) от возможности быть растерзанным солдатами»¹⁸.

Мыза Ропша, выбранная для временного заключения государя, принадлежала Кириллу Разумовскому и находилась на полпути между Петергофом и Гостилицами. Подобный шаг Екатерины показывал, насколько она в тот момент доверяла гетману. Его дача казалась ей столь же надежным местом, как и казармы Измайловского полка.

Дом был невелик и представлял собой вытянутую анфиладу комнат по обе стороны от центрального зала. Две из них отвели узнику, поместив в его покоях пару офицеров — по одному у каждой двери. Внешнюю охрану несли солдаты. Под началом Орлова находились камергер Федор Барятинский, преображенцы — капитан Петр Пассек, поручик Михаил Баскаков и поручик Евграф Чертков. Кроме того, в распоряжении Алексея был вахмистр конногвардеец Григорий Потемкин. Письма Петра III и Алексея Орлова из Ропши, помимо прочего, показывают, что в помещении дежурили только офицеры, они же ездили в столицу с посланиями императрице. Видимо, Орлов не слишком полагался на рядовых. Заставить дворян соблюдать дисциплину казалось легче. Но в условиях, когда двое постоянно дежурили, а двое находились в разъездах, для управления сотней буйных голов оставался только один старший. Следует согласиться с мнением московского историка К.А. Писаренко: задача, возложенная на горстку офицеров — была непосильной¹⁹.

До места свергнутого императора сопровождали представители Семеновского полка капитан Алексей Щербачев и поручик Сергей Озеров, которые после исполнения

приказа отбыли восвояси. Почему избрали именно семеновцев, нетрудно догадаться. Преображенцы и измайлоцы с самого начала переворота находились в конфликте. Шумахер замечал: «Между Преображенским и Измайловским полками уже царило сильное соперничество»²⁰. Поэтому свергнутого императора доверили семеновцам, которые не вызывали неудовольствия товарищей-гвардейцев и с которыми никто не затеял бы по дороге стычку.

Державин вспоминал: «После обеда часу в 5-м увидели большую четырехместную карету, запряженную больше нежели в шесть лошадей, с завешенными гардинами, у которой на запятках, на козлах и по подножкам были гренадеры же во всем вооружении, а за ними несколько конного конвоя, которые... отвезли отрекшегося императора... в Ропшу»²¹. Тот факт, что сравнительно легкую повозку запрягли даже не цугом, а скорее восьмериком, свидетельствует о большой торопливости: Петра спешили увезти из резиденции и хотели, чтобы карета двигалась быстро. Видимо, за жизнь узника действительно опасались. Хотя возможен и обратный ход мыслей: вдруг гвардейцы одумаются и перейдут от желания растерзать царя к его защите? Поведение толпы, тем более пьяной, трудно предсказать. В любом случае поверженного монарха требовалось убрать из Петергофа.

«ПЕЧАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ»

Вечером 29-го узник прибыл к месту назначения. С Петром оставался только один камер-лакей Алексей Маслов. Два других русских лакея сказались больными, чтобы не следовать за бывшим господином. Они боялись очутиться в заточении вместе с ним. Император был подавлен, помещение показалось ему тесным, а режим постоянного надзора — тяжелым.

Состояние Петра хорошо передают записки, отправленные Екатерине. Возможно, первая возникла еще в Петергофе, так как озвучивает просьбу царя, переданную через Панина устно. «Ваше Величество, если вы решительно не хотите уморить человека, который уже довольно несчастлив, то сжальтесь надо мною и оставьте мне единственное утешение, которое есть Елизавета Романовна. Этим вы сделаете одно из величайших милосердных дел вашего царствования. Впрочем, если бы Ваше Величество захотели на минуту увидеть меня, то это было бы верхом моих желаний. Ваш нижайший слуга Петр. 29 июня 1762 года».

Это письмо по-французски, на наш взгляд, еще не демонстрирует полной подавленности. Именно в Петергофе решался вопрос о Воронцовой (ведь Петр просит «оставить» ему возлюбленную, а не «вернуть»), и Екатерина могла увидеть мужа «на минуту». Если мы правы, то Панин в рассказе Ассбурглу слукавил, заявив, будто Петр не просил о встрече с женой. Вероятно, ту же информацию вельможа передал и императрице. Но, судя по записке, у нее имелся и другой канал связи с мужем — минуй Никиту Ивановича.

Почему воспитатель великого князя хотел избежать краткого randevu между супругами? Возможно, он тоже опасался их примирения. Желанная цель — провозглашение Павла императором при регентстве матери — казалась еще достижимой. А вот если бы Петр и Екатерина договорились о какой-либо форме соправительства, притязания наследника повисли бы в воздухе.

Вторая записка куда примечательнее. После мытарств целого дня, угроз жизни, солдатских издевательств император совсем пал духом. Вечером он написал Екатерине по-русски, сбивчиво, с повторами, ошибками и почти без знаков препинания: «Ваше величество. Я еще прошу меня которой ваше воле исполнял во всем, отпустить меня в чужие края стени которые я Ваше Величество прежде просил и надеюсь на ваше великодушие что вы меня не оставите без пропитания верный слуга Петр. 29 июня 1762 года»²².

У этого документа, судя по сгибу, отрезан низ, возможно, содержащий постскрипtum. Когда такое случилось — неизвестно. Вообще материалы начала царствования Екатерины, и в особенности ропшинские, сильно пострадали. Нет рескриптов императрицы Алексею Орлову, списка его команды, хотя в письме 2 июля он оповещает, что выслал таковой. Известно, что Павел I сразу после смерти матери сжег ряд бумаг из ее архива. Отсутствует, например, подлинник отречения Петра III²³. Специальным указом от 26 января 1797 г. новый император повелел изъять из всех государственных учреждений и уничтожить Манифест Екатерины от 6 июля о ее вступлении на престол²⁴.

Павел упрямо истреблял тексты, хотя бы косвенным образом свидетельствовавшие, что он не являлся наследником Петра III. Отсутствие имени Павла в отречении, рассказ в Манифесте о том, как отец «не восхотел объявить его наследником», стали достаточными основаниями для их уничтожения. Возможно, и отрезанный постскрипtum как-то касался Павла. Достаточно было повторить, что, уехав в Голштинию, государь ничего «против Вас и сына Вашего» не сделает, чтобы текст исчез.

Остаток дня Петр провел в слезах. «По прибытии в Ропшу император почти непрерывно плакал и горевал о судьбе своих бедных людей, под которыми он разумел голштинцев»²⁵, — сообщил Шумахер. Беспокоиться действительно стоило. Любимые войска Петра не оказали сопротивления, но натерпелись страха. Посланный в Ораниенбаум генерал-поручик Василий Иванович Суворов, отец будущего фельдмаршала, оставил у голштинцев самые тяжелые воспоминания. Штелин негодовал: «Изверг сенатор Суворов кричит солдатам: “Рубите пруссаков!” и хочет, чтобы изрубили всех обезоруженных солдат»²⁶.

Полковник Давид Сиверс, упорно путавший Василия Суворова с его сыном, тоже не остался в долгу и описал зверства: «В два часа по полудни [29 июня] произошла между нами, бедными воинами, печальная комедия. Прибыл русский генерал Суворов... с конногвардейцами и гусарским отрядом и потребовал, чтобы сдано было все вооружение... Все голштинское войско было согнано в крепостицу Петерштадт, откуда уже никого не выпускали. Этот жалкий Суворов держался правил стародавней русской подлой жестокости. Когда обезоруженных немцев уводили в крепостицу, он развлекался тем, что шпагою сбивал у офицеров шапки с голов и при этом еще жаловался, что ему мало оказывают уважения...

Беспомощно провели мы целую ночь. Снова явился Суворов и начал распределять людей. Русским подданным велено оставаться, а Кронштадт назначен иностранцам, и каждому из них, в особенности пруссакам, досталось от Суворова по удару и толчку в затылок. Когда это кончилось, русские подданные должны были идти в церковь для присяги... а затем офицеры отпущены... по своим квартирам... В то время как все мы находились в крепостице под стражею, воришки-гусары и кирасиры опустошили наши помещения, так что у иного оставалось только, в чем он был»²⁷.

Неприглядная картина. Но надо признать, что при настроениях, царивших в полках и городе, голштинцы еще дешево отделались. Их унизили и обобрали, а могли убить.

«УРОД НАШ ОЧЕНЬ ЗАНЕМОГ»

30 июня у свергнутого императора на нервной почве начались геморроидальные колики, которыми он страдал давно. К ним прибавилось расстройство желудка. Накануне Петр практически не ел. В Петергофе, по сведениям Шумахера, выпил только стакан вина, смешанного с водой. «При своем появлении в Ропше он уже был слаб и жалок, — писал датчанин. — У него тотчас же прекратилось сварение пищи, обычно проявлявшееся по несколько раз на дню, и его стали мучить почти непрерывные головные боли»²⁸. Спал государь плохо — кровать оказалась неудобной — и на

следующий день ему доставили другую, из Ораниенбаума. При высоком росте арестанту подошло бы не всякое ложе.

Режим содержания крайне стеснял Петра: ему не позволяли ни гулять по саду, ни даже выглядывать во двор. Окна оставались завешанными. Выход в смежную комнату также возбранялся. Даже справлять нужду узник вынужден был в присутствии часового, что при поносе оказалось особенно тяжело и унинительно. Ужас собственного положения заставил императора написать еще одно письмо Екатерине:

«Государыня. Я прошу Ваше Величество быть во мне вполне уверенною, и благоволите приказать, чтобы отменили караулы у второй комнаты, ибо комната, где я нахожусь, до того мала, что я едва могу в ней двигаться. Вы знаете, что я всегда прохаживаюсь по комнате, и у меня вспухнут ноги. Еще я вас прошу, не приказывайте офицерам оставаться в той же комнате, так как мне невозможно обойтись с моей нуждой. Впрочем, я прошу Ваше Величество обходиться со мной, по крайней мере, не как с величайшим преступником; не знаю, чтобы я когда-либо вас оскорбил. Поручая себя вашему великодушному вниманию, я прошу вас отпустить меня скорее с назначенными лицами в Германию. Бог, конечно, вознаградит вас за то, а я ваш нижайший слуга Петр.

PS. Ваше Величество может быть во мне уверенной: я не подумаю и не сделаю ничего против вашей особы и против вашего царствования»²⁹.

Это письмо снова было написано по-французски. Узник немного пришел в себя и выразался с большим достоинством. Он свергнутый государь, а не «величайший преступник» и ничем не заслужил сурового обращения. Вопрос с отъездом в Голштинию казался ему решенным, раздражало только промедление. При этом в простоте душевной Петр не помнил обид, причиненных жене. В некоторых местах его тон насмешлив и даже требователен, несмотря на «нижайшие» просьбы и наименование себя *valet*, что, как отмечали многие публикаторы, скорее — «холоп», чем «слуга».

С письмом в столицу отправился Петр Пассек. Судя по тому, что позднее узник все-таки выходил в смежную комнату, где играл с караульными в карты, режим его содержания был смягчен. Об этом же говорит другой факт: 1 июля арестант обратился к Екатерине с новой просьбой — доставить ему из Ораниенбаума негра Нарцисса, любимого мопса и скрипку.

Шумахер, среди многочисленных информаторов которого явно имелись и лица, присутствовавшие в Ропше, описал стесненное положение узника: «Окно его комнаты было закрыто зелеными гардинами, так что снаружи ничего нельзя было разглядеть. Офицеры... не разрешали ему выглядывать наружу, что он, впрочем, несколько раз украдкой делал. Они вообще обращались с ним недостойно и грубо, за исключением одного лишь Алексея Григорьевича Орлова, который еще оказывал ему притворные любезности. Так, однажды вечером... он (Петр III. — *О. Е.*) играл в карты с Орловым. Не имея денег, он попросил Орлова дать ему немного. Орлов достал из кошелька империял и вручил его императору, добавив, что тот может получить их столько, сколько ему потребуется. Император... тотчас же спросил, нельзя ли ему немного погулять по саду, подышать свежим воздухом. Орлов ответил “да” и пошел вперед, как бы для того, чтобы открыть дверь, но при этом мигнул страже, и она тут же штыками загнала императора обратно в комнату. Это привело государя в такое возбуждение, что он проклял день своего рождения и час прибытия в Россию, а потом стал горько рыдать»³⁰. Из приведенного описания следует, что Алексей Орлов при всей «притворной любезности» издевался над арестантом не хуже остальных.

1 июля новый курьер Евграф Чертков известил Екатерину о просьбе императора прислать ему скрипку, негра и мопса. На этот раз личной записки Петра к жене не было. Что можно объяснить ухудшением его здоровья. Вероятно, он не вставал. Императрица отправила приказ Василию Ивановичу Суворову: «Извольте прислать, отыскав в Ораниенбауме или между пленными, лекаря Людерса да арапа Нарцисса, да обер-

камердинера Тимлера; да велите им брать с собою скрипицу бывшего государя, его мопсинку собаку»³¹. Ни о своем лейб-медике Иоганне Готфриде Лидерсе (Людерсе), ни о камердинере Тимлере Петр не просил. Но раз ему прислуживал всего один лакей, то посылка второго естественна. Что же касается врача, то он необходим был с самого начала. Уже из письма мужа 30 июня императрица должна была понять: начался приступ колик.

Курьер остался в Петербурге, чтобы забрать с собой в обратный путь доктора, негра и камердинера с вещами. Однако, прибыв в столицу, Лидерс наотрез отказывается ехать. На его уламывание ушли сутки. «Согласно устному докладу о болезни императора Лидерс выписал лекарства, но их не стали пересылать, — сообщал Шумахер. — Императрица стала уговаривать Лидерса и даже велела ему ехать к своему господину... Лидерс же опасался оказаться в совместном с императором продолжительном заключении и потому некоторое время пребывал в нерешительности. Только 3 июля около полудня ему пришлось волей-неволей усесться с мопсом и скрипкой в скверную русскую повозку, в которой его и повезли самым спешным образом»³².

Почему лекарства не стали пересылать? Возможно, положение Петра до записки Орлова от 2 июля не считали особенно серьезным. А возможно, напротив, не хотели оказывать медицинской помощи, рассчитывая на летальный исход. Есть и третья вероятность: Екатерина надеялась быстро заставить Лидерса вспомнить о долге: сначала попросила, потом приказала. На третий раз могли и силой отвезти упрямого эскулапа к пациенту. Что, судя по описанию Шумахера, и произошло. Лидерс был личным врачом императора и хорошо знал болезни Петра, поэтому его приезд считался предпочтительным. Но пока он препирался, Екатерина подстраховалась, и в Ропшу отправили другого — лейб-медика Карла Федоровича Крузе.

Обвинить правительство в промедлении нельзя. Первое письмо Орлова из Ропши, где говорилось о болезни императора, возникло вечером 2 июля. Поручик Баскаков привез его в столицу ночью. Утром в Ропшу поспешил Крузе. А Лидерс, судя по описи Медицинской канцелярии, был вызван к действительному статскому советнику Г.Н. Теплому для внушения³³. Откуда, надо полагать, его и отправили «около полудня» на «скверной русской повозке» с «мопсом и скрипкой» в Ропшу.

Итак, 2 июля, глядя на состояние императора, Алексей Орлов понял, что тот плох. «Матушка милостивая Государыня, — писал он, — здравствовать вам мы все желаем несчетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всею командою благополучны, толко урод наш очень занемог и схватила ево нечаянная колика. И я опасен, штоб он сиводнишнюю ночь не умер, а болше опасуюсь, штоб не ожил. Первая опасность для того, што он всио здор гаварит и нам ето несколько весело, а другая опасность, што он действительно для нас всех опасен для тово, што он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть»³⁴.

Грубая казарменная шутка об «уроде», за которого бояться, как бы он не помер, а еще больше, как бы не ожил, конечно, задевает чувствительные сердца. Но следует обратить внимание на другие слова: «так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть». Орлова пугало, что император иной раз забывался, начинал говорить в приказном тоне или грозить своим обидчикам карами, когда вернет корону. Из этого командир охраны делал резонный вывод: «он действительно для нас всех опасен».

Вспомним историю с просьбой Петра прогуляться и каверзой, которую устроил Орлов. Вот за карточной игрой узник заговаривается, принимает высокомерный вид. Вот охрана напоминает ему его место. Нет оснований не замечать: Алексей предпочел бы, чтобы свергнутый царь отошел в мир иной, и отдавал себе отчет в опасности «урода», если тот окажется «в прежнем состоянии».

2-го же июля в Ропшу привезли полугодовое жалованье для отряда охраны, за что Орлов поблагодарил государыню: «В силу именнова Вашего повеления я солдатам денги

за полгода отдал... И солдаты некорректно сквозь слезы говорили про милость Вашу, што оне еще такова для Вас не заслужили за штоб их так в короткое время награждать».

Сам по себе привоз денег — факт настораживающий. Возможно, солдатам платили не за то, что они уже сделали, а за то, что должны сделать? Или о чем промолчать? Увы, в названные дни обещанное полугодовое жалованье раздали всем полкам. В Петербурге командиры получали деньги для своих подчиненных так же, как Орлов в Ропше. Например, вернувшись с мызы в столицу, вахмистр Потемкин принял 14 014 рублей для раздачи его 1085 нижним чинам³⁵. Так что если ропшинский отряд и подкупали, то вместе с остальной гвардией.

Ночь на 3 июля прошла тревожно. «Урод» не умер, но и не ожил. Ему становилось все хуже, и наконец Алексей испугался по-настоящему. Шутки в сторону, свергнутый император готовился отдать Богу душу на его руках, а рядом не было ни врача, ни хотя бы человека, готового подтвердить, что не караульные извели августейшего арестанта.

Утром Орлов написал Екатерине тревожное письмо, адресовав его «Матушке нашей Всероссийской»: «Матушка наша милостивая государыня. Не знаю, што теперь начать, боюсь гнева от вашего величества, штоб вы чево на нас неистоваго подумать не изволили и штоб мы не были притчиною смерти злодея вашего и всеи Роси, также и закона нашего. А теперь и тот приставленной к нему для услуги лакей Маслов занемог. А он сам теперь так болен што не думаю штоб он дожил до вечера и почти совсем уже в беспаметстве, о чем уже и вся команда здешняя знает и молит бога штоб он скорей с наших рук убрался. А оной же Маслов и посланной офицер может вашему величеству донести в каком он состоянии теперь ежели вы обо мне усумнится изволите. Писал сие раб ваш...»³⁶ Далее подпись, дата и, вероятно, приписка оторваны.

К последнему факту мы еще вернемся, а пока отметим, что Орлов испугался не зря. Екатерина действительно могла подумать на охрану «чево неистоваго». В письме к Понятовскому она озвучила свои мысли: «Я боялась, что это офицеры отравили его, приказала произвести вскрытие, но никаких следов яда обнаружено не было»³⁷.

Алексей правильно угадал ход рассуждений государыни и, чтобы подтвердить свои слова, отправил вместе с офицером лакея Маслова. Причем последнего довольно грубо затолкнули в карету. Шумахер сообщал: «Когда император немного задремал, этот человек вышел в сад подышать свежим воздухом. Не успел он там немного посидеть, как к нему подошел офицер и несколько солдат, которые тут же засунули его в закрытую русскую повозку. В ней его привезли в Санкт-Петербург и там выпустили на свободу. Лидерс встретил его по дороге»³⁸.

Если бы Маслова сразу отвели к императрице, его увоз из Ропши не выглядел бы как устранение ненужного свидетеля.

«ПОДРОБНОСТИ ЭТИХ УЖАСОВ»

Поскольку Лидерс, встреченный Масловым по дороге, направлялся в Ропшу 3 июля, то письмо Орлова с упоминанием камер-лакея, нетрудно датировать, несмотря на оторванный край. Авторство документа в данном случае определяется по почерку. А вот с припиской дело обстоит куда загадочнее.

В 1830 г. министр Д.Н. Блудов по приказу Николая I разбирал документы, касавшиеся царствования Екатерины II. Составляя опись, он пометил, что в Пакете «Секретные письма первых дней июля 1762 г.», кроме прочего, содержались «два письма графа А.Г. Орлова к императрице Екатерине II, в последнем он ей объявляет о смерти Петра III»³⁹. Итак, согласно блудовской описи, Алексей ставил Екатерину в известность о гибели мужа именно вторым письмом. А не третьим, как долгое время было принято считать.

К записи Блудова архивист советского времени сделал сноску и уточнение: «о внезапной болезни и ожидаемой его смерти. 1926 ноября 12». Конечно, в современном

виде письмо говорит именно об «ожидаемой смерти». Но во времена Блудова имелся ныне утраченный фрагмент. Кто и зачем оторвал его между 1830-м и 1926-м годами, сейчас установить трудно. Но ряд исследователей склоняются к вполне обоснованному выводу, что известие о смерти Петра III содержалось именно в приписке к письму Орлова 3 июля.

Оторванный фрагмент невелик. Но как верно заметил московский историк О.А. Иванов, много ли нужно места, чтобы написать: «Он умер»; «Все кончено»; «Его больше нет». Шумахер утверждал, что убийцы вошли в комнату Петра III сразу после увоза слуги из Ропши. Это вступает в противоречие с письмом. Ведь его — вместе с уже имевшейся припиской — повезли в Петербург одновременно с Масловым. Значит, смерть постигла узника, когда лакей еще был в Ропше, и ощущение, будто его арестовали и втолкнули в карету, не обманчиво. Только так можно объяснить, что по приезде в столицу Маслова отпустили в город, а не доставили к Екатерине. Весь основной текст письма, где Орлов ссылался на лакея как на свидетеля болезни императора потерял смысл. Важным стало только сообщение в приписке.

Ситуацию проясняет донесение Беранже 10 августа, где, рассказывая об убийстве, дипломат замечал: «Подробности этих ужасов известны, главным образом, от русского камер-лакея, верного Петру III в его опале, который по возвращении в Петербург признался своему ближайшему другу о своих сожалениях от потери своего хозяина и об истории его злосчастий. Этот самый камер-лакей был схвачен и препровожден ко Двору, где священник с крестом в руке заставил его поклясться, что он сохранит тайну того, чему он был свидетелем»⁴⁰. Таким образом, Маслов покинул Ропшу уже после гибели господина. О ее подробностях мы поговорим ниже, а пока остановимся на дате.

Злополучная приписка заставляет сдвинуть кончину императора с официального 6 июля на более ранний срок. Чему источники немедленно дают множество подтверждений.

Так, Штелин в своем дневнике отметил: «5-го кончина императора Петра III»⁴¹. Объяснить эту фразу ошибкой или опiskeй нельзя, потому что далее следуют записи за 6, 8, 9 июля. Официальный Манифест о кончине государя опубликовали только 7 июля, но в город, где находился профессор, проникали слухи и, видимо, 5 июля они достигли его ушей.

5-м же числом датирован секретный приказ В.И. Суворова майору А. Пеутлингу «немедленно вынуть из комнат... бывшего государя мундир голстинский кирасирский, или пехотный, или драгунский, который только скорее сыскать сможете... и прислать оный мундир немедленно». Генерал предписывал «стараться», чтобы «онный мундир... видеть ниже приметить кто [не] мог, и сюда послать, положи в мешок и запечатать, и везен бы был оный сокровенно»⁴². Таким образом, 5 июля уже были предприняты тайные приготовления к погребению Петра.

Когда в столицу просочились первые слухи о случившемся? Позье писал по этому поводу: «После заарестования Петра III императрица, возвратившись в город, распустила все войска, до тех пор стоявшие шпалерами вдоль улиц, и все избавились от страха. Три дня спустя мы узнали о смерти несчастного императора, описывать подробности которой я не стану»⁴³. Екатерина вернулась в Петербург 30 июня. «Три дня спустя» — это 3 или 4 июля. Если ювелир не ошибся, то он получил новость с пылу с жару, что при его широких знакомствах вполне возможно.

В уже цитированном донесении Беранже 10 августа дипломат сообщал, что «через четыре или пять дней после свержения» к Петру отправился некий таинственный Тервью (Terviu), «заставивший его силой глотать микстуру, в которой он растворил яд, коим хотели убить его... Яд не произвел скорого действия и тогда решили его задушить»⁴⁴. Под Тервью некоторые исследователи предлагают понимать Г.Н. Теплова, действительно участвовавшего в ропшинской драме. Но сейчас нас интересует дата. 29, 30, 1, 2, 3 — это

и есть «четыре или пять дней после свержения», смотря от какого числа считать и на каком остановиться.

Рюльер, рассказывая о событиях в Ропше, писал: «Уже прошло 6 дней после революции»⁴⁵. То есть — 28, 29, 30, 1, 2, 3 — если дипломат считал собственно от переворота. Если от отречения Петра, то надо начать с 29-го и закончить 4 июля. Дата 6 июля никак не следует ни из одного источника.

3 июля прямо названо у Шумахера, чья версия в настоящий момент вызывает наибольшее доверие специалистов: «Удушение произошло вскоре после увоза Маслова — это следует из того, что как придворный хирург Лидерс, так и отправленный в тот же день в Ропшу придворный хирург Паульсен застали императора уже мертвым. Стоит заметить, что Паульсен поехал в Ропшу не с лекарствами, а с инструментами и предметами, необходимыми для вскрытия и бальзамирования мертвого тела, вследствие чего в Петербурге все точно знали, что именно там произошло»⁴⁶.

Русское издание «Записок» Ассесбурга, появившееся в «Русском Архиве» в 1879 г., имеет по сравнению с берлинской публикацией 1842 г. ряд небольших сокращений. Так в перевод не попало примечание посла к топониму Ропша. Датчанин писал: «Известно, что государь погиб там 3/14 июля 1762 г.»⁴⁷. А ведь дипломат прямо ссылаясь на Панина, с которым был очень дружен еще со времен службы в Стокгольме.

Мы помним, что последнее приказание в Шлиссельбург было отправлено императрицей 2 июля. Подпоручик Плещеев повез туда вещи для обустройства нового узника и должен был остаться до следующего указа. Но никаких распоряжений не последовало. Приготовление крепости к приему Петра с 3 июля замерло. А 10-го на место вернулся «безымянный колодник» Иван Антонович. Охлаждение к Шлиссельбургу также свидетельствует в пользу более ранней даты смерти императора.

Учитывая приведенные свидетельства, прочтем по-новому описание смерти Петра III в письме Екатерины к Понятовскому: «Страх вызвал у него боли в животе, длившиеся три дня и разрешившиеся на четвертый. Он пил в этот день непрерывно, ибо у него было все, чего он желал, кроме свободы... Геморроидальная колика вызвала мозговые явления, он пробыл два дня в этом состоянии, последовала сильнейшая слабость и, невзирая на все старания врачей, он отдал Богу душу»⁴⁸. Как видим, Екатерина нигде не назвала конкретной даты, более того — даже не сказала, что перечисленные дни шли друг за другом. Сначала три дня болей в животе, потом четвертый — пьянство, и еще два дня неких «мозговых явлений». Текст позволяет считать и иначе. Трое суток желудочных болей с поносом — 30, 1, 2. Шумахер отмечал, что с самого приезда, то есть параллельно с режью в животе, у императора болела голова. Страдания накладывались друг на друга, а с ними и дни. В письме от 2 июля Орлов сообщил о геморроидальной колике. Два дня этого бедствия как раз и занимают 2 и 3 июля. Недаром императрица проронила, что беды разрешились «на четвертый», и таким образом, все-таки отметила день смерти мужа.

Если это рассуждение кажется натянутым, вчитаемся в Манифест. Там тоже удивительным образом отсутствует дата смерти. Екатерина говорит только: на седьмой день после «принятия престола» — то есть 4 июля — получила известие, что бывший император «обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в пружестокую колику». Такое утверждение не исключает получения ею других, более ранних сведений. Фраза: «Тотчас повелели отправить к нему все, что потребно было» — тоже не говорит точно о времени отъезда врачей. Единственная отсылка к дате: «Вчерашнего дня получили Мы другое [известие], что он волею Всевышнего Бога скончался»⁴⁹ не сообщает главного: когда скончался.

Екатерина была мастером подобного «темного» стиля. Если она не хотела чего-то говорить, из нее клещами невозможно было вытянуть ни правду, ни прямую ложь. Ее тексты могут производить обманчивое впечатление, именно благодаря умело

опущенным подробностям. Но поймать императрицу за руку невозможно. Любопытно, что и Дашкова в «Записках» никакой даты не назвала.

Из всей совокупности источников прямо день смерти Петра — 6 июля — не указан ни в одном. Его путем подсчетов выводили из Манифеста, но конкретных чисел там нет. Повторенная в сотнях научных работ дата воспринимается как несомненная. Между тем ее нечем подтвердить.

«НЕ БЫЛО КОВАРСТВА»

Уточненная дата гибели Петра III — последняя информация, которую можно проверить путем сопоставления источников. Далее мы вступаем в сферу гипотез. Их нельзя подтвердить, и выбор часто зависит от субъективных исторических симпатий и антипатий автора. Добросовестный исследователь должен признать, что в настоящий момент невозможно с точностью сказать, что именно произошло в Ропше. Основных версий три. На наш взгляд, предпочтительнее познакомить читателя со всеми, чем отводить страницы под вольную реконструкцию размышлений Екатерины и Орловых⁵⁰ или Панина⁵¹. Без опоры на документы подобные упражнения — интеллектуальная игра. Не более.

Официальная версия случившегося была изложена в Манифесте 7 июля 1762 г. Удивительно, но причина смерти императора там тоже не названа, как и дата. «Объявляем через сие всем верным подданным. В седьмой день после принятия Нашего Престола Всероссийского получили Мы известие, что бывший Император Петр Третий обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в пружестокую колику. Чего ради, не презирая долгу Нашего Христианского и заповеди Святой, которою мы одолжены к соблюдению жизни ближнего своего, тотчас повелели отправить к нему все, что потребно было к предупреждению следств из того приключения, опасных в здравии его, и к скорому вспоможению врачеванием. Но к крайнему Нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего дня получили Мы другое, что он волею Всевышнего Бога скончался. Чего ради Мы повелели тело его перевести в монастырь Невский, для погребения».

Как видим, текст сообщает только, что Петр заболел геморроидальной коликой. А отчего умер — умалчивает. Логически можно сделать вывод, что смерть — результат болезни. Но логика читающего, и логика пишущего — разные вещи. Причина болезни и причина смерти не всегда совпадают, особенно если предполагается насильственный уход из жизни. Смысловой пропуск сделан между заявлением об отправке врачей и получением известия о кончине.

В письме к Понятовскому Екатерина добавила информации, но поступила с ней так же, как в Манифесте — выпустив важный фрагмент. Говоря о результатах вскрытия, она сообщала: «Его желудок был здоров; его унесло воспаление кишок и апоплексический удар. Его сердце оказалось на редкость крошечным и совсем слабым»⁵². В другом переводе: «крайне мало и совсем сморщено»⁵³. Здесь же, вместо «мозговые явления» уточнено: «геморроидальные колики вместе с приливами крови к мозгу». Одно вовсе не обязательно вызвано другим, скорее оба симптома — параллельны.

К несчастью, протокол вскрытия отсутствует. Возможно, он вовсе не составлялся, учитывая экстраординарные обстоятельства. Но маленькое сморщенное сердце — деталь, которая появилась в письме неслучайно. Как отметил А.Б. Каменский, она представляет собой отпечаток некой не придуманной информации. Крошечное сердце означает нарушение кровообращения, которым Петр III страдал из-за своего чрезмерно высокого роста, как впоследствии его внук Николай I, также жаловавшийся на желудочные колики, а временами — на адские мигрени, заставлявшие императора по несколько часов лежать без движения⁵⁴. Эти болезни — суть семейные. И зная, как они протекали у внука, можно кое-что предположить и о деде.

Одновременно с болями в кишечнике и расстройством желудка у узника начались приливы крови к мозгу, результатом которых стал апоплексический удар. Последний возможен как результат нервных потрясений и душевных переживаний, ежедневно усугублявшихся условиями содержания и грубостью охраны. Петр еще в бытность великим князем не терпел принуждения, даже сравнительно мягкий елизаветинский надзор вызывал в нем гнев и раздражение. Теперь же он — всегда рвавшийся на свободу — оказался в настоящем заключении — втиснут в маленькую комнатку, ограничен запретами, изводим издевками. При имевшейся предрасположенности вполне достаточно для инсульта — «мозгового удара». Внезапное кровоизлияние в мозг проявляется как раз головной болью, рвотой, расстройством сознания, которые, судя по описаниям, у Петра были.

В письме к Понятовскому пропуск информации сделан в совсем короткой фразе: «Его унесли воспаление кишок и апоплексический удар». Опущена причина удара. До тех пор пока третье письмо Алексея Орлова из Ропши считалось подлинным, оно удачно закрывало эту брешь.

«Матушка милостивая Государыня. Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не милуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Мы были пьяны, и он тоже. Он заспорил за столом с князем Федором, не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хотя для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил, прогневили тебя и погубили души на век»⁵⁵.

Очень эмоциональное письмо. Хочется, чтобы оно имело реальный протограф. Потому что переданные в нем чувства — подлинные. Только очень предвзятый взгляд видит в корявых выражениях Алексея пьяные излияния. После того как на ваших глазах, или лучше — в ваших руках — умер император, поневоле протрезвешь. Потрясение, растерянность, непонимание, как могло случиться то, что случилось — вот, что сквозит в строках записки. Безоговорочное признание вины — нам доверили караулить, нам и отвечать — очень по-русски и в характере знаменитых братьев. Страх и просьба о помиловании — одному себе, что малодушно, учитывая общую вину. Намек на фавор брата — вещь немыслимая, объяснить которую можно только крайним расстройством чувств. Наконец, «свет не мил», «прикажи скорее окончить», «погубили души на век» — точно пойманное ощущение — тошно жить после содеянного.

Недаром В.А. Плугин, посвятивший Алексею Орлову книгу, был так привязан к этому письму и отстаивал его психологическую достоверность⁵⁶. Выводы ученого фактически смыкались с выводами биографа Екатерины II, А.Б. Каменского, о непреднамеренности убийства.

Ведь если взять текст Орлова отдельно от рассказа Рюльера, где нарисована красочная картина удушения, то окажется, что Алексей настаивал на несчастном случае и явно недопонимал, как тот произошел. Третью записку рано начали называть признанием в убийстве, что подтверждала и Дашкова. Их с Алексеем разделяла вражда, но, сказать по чести, после гибели Петра III брат фаворита очутился в положении, какого и врагу не пожелаешь. Комментарий Екатерины Романовны на приведенный документ лишен тени сочувствия: «Он писал как лавочник, а тривиальность выражений, бестолковость, объясняемая тем, что он был совершенно пьян, его мольбы о прощении и какое-то удивление, вызванное в нем этой катастрофой, придают особенный интерес этому документу для тех людей, кто пожелал бы рассеять отвратительные клеветы, в изобилии возводимые на Екатерину II... Пьяный, не помня себя от ужаса, Алексей отправил это драгоценное письмо ее величеству тотчас же после смерти Петра. Когда,

уж после кончины Павла я узнала, что это письмо не было уничтожено... я была так довольна и счастлива, как редко в моей жизни»⁵⁷.

Что заставило княгиню радоваться? Доказательство вины старого врага? Подтверждение невинности подруги? Или чувство облегчения, ведь ее собственное имя тоже косвенным образом связывали с событиями в Ропше? Загадка состоит в том, что Павел I наказал Дашкову за участие в перевороте куда строже, чем Орлова — предполагаемого убийцу. Екатерину Романовну отправили в дальнюю бессрочную ссылку, в глухую деревню, под надзор полиции. А Алексею после участия в торжественном перезахоронении останков Петра III, где он нес корону, позволили уехать с официальной любовницей и дочерью в заграничное путешествие «на лечение». Он даже не потерял чинов. Странная избирательность. Похоже, сын убитого знал больше, чем современные исследователи.

Если вчитаться, то записка Орлова снимала вину не только с Екатерины, но отчасти и с караульных офицеров. Преступная халатность — вовсе не то злодеяние, которое возлагают на них вот уже более двух с половиной веков.

Каменский так реконструировал ход событий: во время обеда между подвыпившими караульными и узником возникла ссора и драка. По природе Петр был трусом. Нападение на него дюжих гвардейцев должно было его смертельно испугать, результатом чего стал апоплексический удар⁵⁸. Надо отдать должное исследовательскому мужеству Александра Борисовича: он открыто не согласился с господствовавшей версией, понимая, что будет подвергнут суровой критике, основанной не столько на фактах, сколько на логике — ищи, кому выгодно.

У приведенной реконструкции есть ряд черт, делающих ее очень правдоподобной. Мы помним, что Петр Федорович любил пить не только со своими голштинскими офицерами, но даже со слугами, и те, случалось, теряли к господину всякое уважение. Екатерине приходилось напоминать им о прямых обязанностях. Такая потеря уважения за хмельной трапезой фиксируется и запиской. Из предыдущих писем Орлова известно, что Петр раздражал офицеров говоря «вздор», а иногда и пугал, «отзываясь» как настоящий император. Смесь панибратства с угрозами — прямая дорога к кулачному выяснению отношений. Узник чем-то задел Бярятинского, они сцепились, остальные ринулись разнимать, «а его уже и не стало».

Судя по всему, Екатерина внутренне придерживалась именно этой версии. Заметим — не официальной, а той, что как бы подложена под официальную. В письме к Понятовскому она говорит, что на четвертый день Петра III «пил непрерывно, ибо у него было все, кроме свободы». Возможно, гневные жалобы на заключение, а затем нападки на офицеров: зачем не дают ему гулять и притесняют — и послужили поводом к драке. Характеризуя в письме Дени Дидро свое отношение к книге Рюльера, Екатерина писала в 1768 г.: «Во всем этом не было коварства, а всему причиной дурное поведение известной личности, без чего, конечно, с ним ничего не могло бы случиться»⁵⁹.

Однако есть момент, который не укладывается в данную картину. Из второго письма Орлова видно, что Петр уже не вставал: «А он сам теперь так болен, что не думаю, чтоб он дожил до вечера, и почти совсем уже в беспамятстве». Это написано утром 3 июля. И вдруг застолье, «непрерывное» питье. С человеком в беспамятстве?

Законен вопрос: а была ли трапеза?

«ОНИ УПОТРЕБИЛИ НАСИЛИЕ»

Тут на помощь приходит услужливая версия Рюльера. Она все расставляет на свои места. Всему дает объяснение.

Согласно рассказу секретаря французского посольства Алексей Орлов и статский советник Григорий Николаевич Теплов, приближенный гетмана, сначала попытались отравить императора, а потом удушили его. Они «пришли вместе к несчастному

государю и объявили, что намерены с ним обедать. По обыкновению русскому перед обедом подали рюмку с водкою, и подставленная императору была с ядом. Потому ли, что они спешили доставить свою новость или ужас злодеяния понуждал их торопиться, через минуту они налили ему другую. Уже пламя распространилось по его жилам, и злодейство, изображенное на их лицах, возбудило в нем подозрение — он отказался от другой; они употребили насилие, а он против них оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли на землю. Но он защищался всеми силами, какие предаст последнее отчаяние, и они... призвали к себе на помощь двух офицеров, которым поручено было его караулить и которые в сие время стояли у дверей вне тюрьмы. Это был младший князь Барятинский и некто Потемкин, 17-ти лет от роду... Они прибежали, и трое из сих убийц, обвязав и стянувши салфеткою шею сего несчастного императора (между тем как Орлов обеими коленями давил ему на грудь и запер дыхание) таким образом его душили, и он испустил дух в руках их.

Нельзя достоверно сказать, — продолжал Рюльер, — какое участие принимала императрица в сем приключении; но известно то, что в сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменною веселостью.

Вдруг является тот самый Орлов — растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости, его сверкающие и быстрые глаза искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ее министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом объявить о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другое утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тою же веселостью. Наутро, когда узнали, что Петр умер от геморроидальной колики, она показала, орошенная слезами, и возвестила печаль своим указом»⁶⁰.

Это описание хрестоматийно. Оно стало известно раньше других источников и использовалось гораздо чаще. Большинству авторов, касавшихся смерти Петра III мимоходом, не углубляясь в детали, хватало цитаты Рюльера и 3-го письма Орлова из Ропши, чтобы представить полную картину преступления. Мы упоминали, что секретарь французского посольства читал отрывки из своей книги в салоне госпожи Жоффен в Париже. Дидро, выступившему в роли доверенного лица Екатерины II, удалось уговорить автора за известную сумму не публиковать книгу до смерти императрицы, и труд Рюльера вышел только в 1797 г. Но до этого он был широко известен в списках, его обсуждали и Вольтер, и Дашкова, и Фальконе...

Многочисленные французские и немецкие авторы, писавшие о перевороте 1762 г., — Корберон, Кастера, Гельбиг, Массон и т. д. — основывались, главным образом, на рассказе Рюльера. Перед дипломатами и путешественниками, посетившими Россию позднее, секретарь имел большое преимущество — он находился в Петербурге в момент событий и собирал информацию с пылу с жару. Те, кто приехал позже, тоже могли подцепить любопытные детали, ведь действующие лица были еще живы. Однако сейчас трудно сказать, что в рассказах поздних авторов — эпигонов Рюльера — новые факты, а что — игра живого воображения.

Дотошное сопоставление вариантов этой истории дано в работе В.А. Плугина. Ученый показал, что все они восходят к тексту Рюльера. Именно его следует считать протографом — материковой плитой, на которую вырос слой осадочных отложений. Поэтому будет справедливо называть рассказ об удушении Петра III Алексеем Орловым версией Рюльера.

В Европе она стала использоваться сразу, поскольку не подпадала под цензурные ограничения и хорошо ложилась в канву памфлетной литературы. К ней прибегали не только иностранные, но и русские авторы, публиковавшиеся за границей. Ее не обошли

вниманием А.И. Герцен и А.Н. Тургенев, принимая как единственно возможный вариант развития событий. Так, последний писал, отчасти повторяя даже обороты Рюльера: «Трудно не задаться вопросом, каково было участие самой Екатерины в смерти своего мужа. Совершили ли это преступление ее сеиды по ее повелению, или, подобно внуку Александру, она лишь воспользовалась благами уже совершившегося при ее попустительстве?»⁶¹.

Внешняя беспристрастность этих слов вряд ли может обмануть читателя. Приговор уже вынесен и подкреплён более поздним примером. Хотя в обоих случаях достоверных сведений нет.

В России историки, касаясь событий 1762 г., обычно ограничивались простой констатацией факта смерти Петра III, не вдаваясь в подробности. Так, С.М. Соловьев позволил себе лишь уточнить, что кончина была «насильственной», а В.О. Ключеский кратко пересказал события по 3-й записке Орлова.

Первым озвучил версию Рюльера В.А. Бильбасов, издавший свою книгу о Екатерине II сначала в Берлине в 1900 г., а затем в России в момент ослабления цензуры в 1905 г. Публикатор и знаток источников екатерининской эпохи, Бильбасов обладал солидным авторитетом и одним своим именем предавал веса приводимым фактам. Возможность наконец сказать в России прямо то, что в течение долгих десятилетий находилось под запретом, настолько очаровала автора, что он пренебрег свидетельствами, не укладывавшимися в концепцию. Бильбасов — реконструировал ход размышлений Екатерины и Орловых, отталкиваясь от убеждения в их виновности. Этот публицистический пассаж оказал основополагающее влияние на дальнейшую отечественную литературу. Повторить за Бильбасовым — значило повторить за мастером. Между тем ученому были известны и «Записки» Шумахера, назвавшего других убийц. И сообщение Панина об обстоятельствах смерти Петра III, записанное его родственницей, фрейлиной В.Н. Головиной.

От рассказа о бытовании версии Рюльера стоит вернуться к ее сути. Мы не говорили, что секретарь французского посольства являлся очень осведомленным собирателем информации. Не будучи непосредственным свидетелем событий, он, тем не менее, снимал сливки в беседах высокопоставленных лиц и не раз попадал в десятку. Хотя случались и промахи. Они особенно заметны в том, что касалось гвардейских заговорщиков — вероятно, у дипломата не было информаторов из этой среды.

В настоящий момент узнать всех осведомителей Рюльера невозможно. Многие француз почерпнул в общении с Дашковой. В ее «Записках» приведен любопытный парижский эпизод: «Когда Дидро был у меня вечером, мне доложили о приезде Рюльера... Он бывал у меня в Петербурге, а в Москве я его видела еще чаще в доме госпожи Каменской. Я не знала, что по возвращении своем из России он составил записку о перевороте 1762 года и читал ее повсюду в обществе». Княгиня хотела принять Рюльера, но Дидро остановил ее, пересказав содержание книги: «Вас он восхваляет, и, кроме талантов и добродетелей вашего пола, видит в вас и все качества нашего; но он отзывается совершенно иначе об императрице... Вы понимаете, что, принимая Рюльера у себя, вы тем самым санкционировали бы сочинение, внушающее беспокойство императрице и очень известное в Париже». В результате этого предупреждения, заключает Дашкова, «я закрыла свою дверь перед старинным знакомым, оставившим во мне самые приятные воспоминания»⁶².

Чтение «Анекдотов» Рюльера вызвало у княгини неподдельный гнев. Дело не в том, что автор приписал ей дамские и мужские добродетели. Образ Екатерины Романовны под пером французского дипломата приобрел недопустимую фривольность, что покорило героиню. Она хотела выглядеть так, как выглядит в собственных мемуарах. Рюльер же вплел в повествование множество сплетен, услышанных при дворе. Дашкова не поленилась составить примечания к тексту дипломата, но

практически все они касались ее лично. Значит ли это, что остальное было передано верно?

Нам представляется, что в целом текст «Анекдотов» не противоречил тому представлению о перевороте и тем характеристикам главных действующих лиц, которые сложились в кругу Дашковой. Более того — был во многом спровоцирован разговорами с нею. Именно Екатерина Романовна после кончины свергнутого царя назвала Алексея Орлова виновным: «Когда получилось известие о смерти Петра III, я была в таком огорчении и негодовании, что, хотя сердце мое и отказывалось верить, что императрица была сообщницей преступления Алексея Орлова, я только на следующий день превозмогла себя и поехала к ней. Я нашла ее грустной и растерянной, и она мне сказала следующие слова: “Как меня взволновала, даже ошеломила эта смерть!” — “Она случилась слишком рано для вашей славы и для моей”, — ответила я. Вечером в апартаментах императрицы я имела неосторожность выразить надежду, что Алексей Орлов более, чем когда-либо, почувствует, что мы с ним не можем иметь ничего общего, и отныне не посмеет никогда мне даже кланяться»⁶³. Если подобное говорилось в глаза Екатерине, то что же звучало за ее спиной?

Рассказ Панина о перевороте, переданный Ассесбургом, обрывается на встрече Никиты Ивановича и Петра III в Петергофе. Остается сожалеть, что осторожный вельможа ничего не поведал дальше. Однако нужный фрагмент — как бы окончание повести — содержится в мемуарах Варвары Головиной.

«Решено было отправить Петра III в Голштинию, — писала фрейлина. — Князю Орлову и его брату, графу Алексею, пользовавшимся в то время милостью императрицы, поручили увезти его. В Кронштадте подготавливали несколько кораблей. Петр должен был отправиться с батальоном, который он сам вызвал из Голштинии. Последнюю ночь перед отъездом ему предстояло провести в Ропше, недалеко от Ораниенбаума... Приведу здесь достоверное свидетельство, слышанное мною от министра, графа Панина... Как воспитатель Павла он надеялся забрать в свои руки бразды правления во время регентства Екатерины, но его ожидания не сбылись. Та энергия, с которой Екатерина захватила власть, обманула его честолюбие, и он всю свою жизнь не мог забыть этого. Однажды вечером, когда мы были у него вместе с его родственниками и друзьями, он рассказывал множество интересных анекдотов и так незаметно дошел до убийства Петра III: “Я находился в кабинете у ее величества, когда князь Орлов явился доложить ей, что все кончено. Она стояла посреди комнаты; слово «кончено» поразили ее. «Он уехал?» — спросила она вначале, но, услышав печальную новость, упала в обморок. Потрясение было так велико, что какое-то время мы опасались за ее жизни. Придя в себя, она залилась горькими слезами. «Моя слава погибла! — восклицала она. — Никогда потомство не простит мне этого невольного преступления!» Надежда на милость императрицы заглушила в Орловых всякое чувство, кроме одного безмерного честолюбия. Они думали, что, если уничтожат императора, князь Орлов займет его место и заставит государыню короновать себя»⁶⁴.

Корабли, о которых вспоминала Головина, готовились для отправки в Германию голштинских гвардейцев Петра III. Возможно, на первых порах среди заговорщиков витала мысль отпустить на родину и свергнутого государя. Но она, как мы видели, отпала уже 29 июня, когда Екатерина приказала привести в порядок комнаты в Шлиссельбурге.

Простим фрейлине мелкие неточности, неизбежные в мемуарах человека, который сам не был свидетелем событий. Из ее текста следует важная информация: обвинения в адрес Орловых распространял именно Панин, причем делал это методично, как сразу после убийства Петра III, так и по прошествии многих лет. Надо отдать графу должное: он сумел вплавить выгодную трактовку событий в сознание современников. Рассказ Рюльера — эхо разговоров в кругу Никиты Ивановича и Екатерины Романовны.

«ВСЕ СДЕЛАЛИ ОРЛОВЫ»

Следует понимать, в чем именно состоял интерес каждого из участников драмы. Такой хладнокровный, расчетливый политик, как императрица, не мог не задумываться о дельнейшей судьбе Петра III. «Мысль об убийстве если и приходила ей в голову, то наверняка сразу же была отвергнута, — рассуждал Каменский. — Цареубийство не вписывалось в ту систему моральных ценностей, на которую Екатерина собиралась опираться»⁶⁵. Как будто то же самое писала Дашкова, защищая подругу: Екатерина II «хотя и была подвержена многим слабостям, но не была способна на преступление»⁶⁶.

Фридрих II, в начале назвавший нашу героиню новой Марией Медичи, намекая на сговор королевы с убийцей ее мужа, Генриха IV, позднее пришел к иному выводу. «Рюльер ошибся, — сказал он графу Луи Сегюру. — ...Все сделали Орловы... Императрица не ведала об этом злодеянии и известилась о нем с неподдельным отчаянием; она верно предчувствовала тот приговор, который ныне изрекает против нее весь свет»⁶⁷.

С отзывом Фридриха совпадают история женева Пиктэ, много лет прослужившего в доме Г.Г. Орлова сначала в качестве учителя французского языка, затем доверенного лица. В 1776 г. новый французский посол М.Д. Корберон записал разговор с ним: «Рассказывая о кончине Петра III, он уверял меня, что императрица никогда не замышляла его убийства и узнала о нем только после его совершения. Орловы взяли на себя задачу заставить государя так рано покончить счеты с жизнью и царствованием... Это единственное преступление, в котором можно упрекнуть Орлова, и притом необходимое, так как в противном случае неизбежная гибель грозила как Орлову, так и императрице»⁶⁸. Если в сообщении женева содержится доля правды, то вот слова, которыми Петр III мог вывести офицеров охраны из себя: «Дайте срок, я верну корону, и тогда ни Екатерине, ни Орлову не жить».

Однако бояться восстановления свергнутого самодержца на троне и отдать приказ об его убийстве — разные вещи. «Я не верю, — писал Беранже 23 июля, — что принцесса сия столь злосердечна, чтобы быть причастной к смерти царя. Но поелику глубочайшая тайна всегда будет скрывать от общества истинного вдохновителя ужасного сего покушения, подозрения так и останутся на императрице, которой достался плод от содеянного»⁶⁹. Золотые слова.

Шумахер попытался намекнуть на «вдохновителя»: «Нет, однако, ни малейшей вероятности, что это императрица велела убить своего мужа. Его удушение, вне всякого сомнения, дело некоторых из тех, кто вступил в заговор против императора и теперь желал навсегда застраховаться от опасностей, которые сулила им и всей новой системе его жизнь, если бы она продолжалась»⁷⁰.

Мы согласны с подобными суждениями. Однако найдется немало людей, думающих иначе. Вернувшийся Бретейль писал 28 октября о Екатерине: «Ее жизненное правило таково, чтобы ни перед чем не отступаться, коль скоро решение уже принято, и она твердо уверена, что лучше совершить зло, нежели менять свои намерения. А тех, кто впадает в нерешительность, почитает она истинными глупцами»⁷¹. Это сказано именно по поводу кончины Петра III. Видимо, императрица показала дипломату, что невысокого мнения об его отъезде накануне переворота и о колебаниях, в которых он пребывал относительно субсидии.

Разброс суждений современников заставляет нас исходить не из моральных качеств Екатерины, а из соображений выгоды. Именно они, по мысли многих, красноречивее отсутствующих источников свидетельствуют в пользу виновности императрицы.

Гибель Петра снимала вопрос о возможном перевороте в его пользу. Наиболее простой и безопасный способ уничтожить бывшего императора представлялся в ходе переворота, особенно 29 июня, после отречения, по прибытии в Петергоф. Здесь пьяная толпа солдат могла разорвать царя, к чему не раз показывала охоту. Винить было бы

некого: подданные восстали и растерзали тирана. Расследование ограничилось бы наказанием некоторого числа нижних чинов.

Почему же такой удобный случай был упущен? Видимо, в тот момент Екатерина считала отправку в Шлиссельбург лучшим решением проблемы. Что касается ее оппонентов, обсуждавших способы устранения царя еще до переворота — сгорел на пожаре, заколот на прогулке — то для них мгновенная смерть врага не представляла выгоды. Если бы император погиб 29-го, это укрепило бы позиции Екатерины — она осталась бы невиновной, ее нечем было бы шантажировать, вымогая ограничения власти в пользу сына или Совета.

Приемлемой являлась и смерть Петра в отдаленной перспективе — несколько месяцев, год, два. Столько, сколько потребуется для укрепления на престоле. Петр отличался слабым здоровьем, его кончина в крепости никого бы не удивила. Переворот давно миновал, войска успокоились. Чтобы вызвать новый взрыв, нужно много агитировать и дорого заплатить. Это совсем не то же самое, что будоражить полки еще в процессе бунта.

Наша героиня была очень терпеливым человеком. Обычно вспоминают, что Елизавета Петровна в течение 20 лет не посягала на жизнь Ивана Антоновича. У Екатерины под боком находился целый букет претендентов. До 1764 г. тот же «безымянный колодник», что и у тетушки. После его смерти двое братьев и две сестры Ивана — Брауншвейгское семейство — которое имело на престол не меньше прав, чем несчастный император-младенец. Много лет в московском монастыре проживала молчальница, которую принято считать настоящей дочерью Разумовского и Елизаветы — Августой Таракановой. Наконец, 34 года рядом с матерью находился Павел — самый опасный претендент на корону. Заговор в его пользу существовал постоянно. На этом фоне можно было какое-то время потерпеть и Петра III в Шлиссельбурге.

Шумная, скандальная гибель свергнутого царя — убийство едва ли не при всем честном народе — налагала на Екатерину несмываемое пятно. И могла спровоцировать ее свержение. Гвардия, город, армейские полки — все пока бурлило. В мгновение ока императрица из «Матушки» превращалась в «поганую», как назовут ее солдаты во время одного из ночных возмущений. Вся с таким трудом завоеванная популярность оказалась пущена по ветру.

Если драма в Ропше была спланирована Екатериной, то это грубейший политический просчет. Он ударял не только по ней, но, в первую очередь, по Орловым — ее опоре. Очевидная вина братьев лишала их любви и доверия солдат. Выбивая почву из-под ног ближайших соратников, Екатерина губила и себя.

Недаром после распространения страшных слухов императрица в письмах к Понятовскому буквально кинулась защищать Орловых — не называя их имен и не указывая, в чем они обвиняются. «Это действительно герои, готовые пожертвовать за родину своими жизнями, люди столь же уважаемые, сколь и достойные уважения», — писала она 12 сентября. «Понятия не имею, что говорят о тех, кто окружает меня, — продолжала Екатерина 11 ноября, — но я достоверно знаю, что это не презренные льстецы и не трусливые или низкие души. Мне известны их патриотические чувства, их любовь к добру, осуществляемая и на практике. Они никого не обманывают и никогда не берут денег за то, что доверие, каким они пользуются, дает им право совершить. Если, обладая этими качествами, они не имеют счастья понравиться тем, кто предпочел бы видеть их коррумпированными — черт возьми, они и я, мы обойдемся без этого стороннего одобрения»⁷².

Так защищают только очень любимых и нужных людей. Потеряй императрица поддержку в лице знаменитых братьев — и она потеряла бы завоеванный статус.

Принимая решение об убийстве Петра III, в первую очередь следовало продумать, как отвести подозрение от Орловых? Кого подставить под удар вместо них? Однако тяжесть греха пала именно на Алексея и как следствие на саму Екатерину.

Головина передала, как в обществе представляли себе логику Орловых: «Они думали, что, если уничтожат императора, князь Орлов (Григорий. — *О. Е.*) займет его место и заставит государыню короновать себя». Но для этого нужно остаться от убийства в стороне. Сокрыть свое участие. В противном случае не видать ни брачного венца, ни шапки Мономаха. Что и случилось, поскольку Орловы в качестве убийц оказались выставлены на всеобщее обозрение. И первое, чего лишились, поддержки гвардии.

Голландский резидент Мейнерцгаген сообщал в Гаагу, что 31 июля, во время очередных ночных волнений, Алексей Орлов, вышедший успокаивать солдат, был изруган и едва не побит. Его называли «изменником и клялись, что никогда не допустят, чтобы он надел на себя царскую шапку»⁷³. Здесь голландец, вероятно, ошибся — брак и корона предназначались Григорию. Возможно, именно он и вышел к толпе семеновцев и преображенцев, братьев часто путали в депешах иностранных дипломатов. Но суть произошедшего передана верно: из вчерашних кумиров Орловы превратились в «изменников».

Глава 10. ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

Слухи о виновности Орловых, возможно, поддерживались и с помощью раннего варианта 3-го письма Алексея из Ропши. То, что этот документ — плод политической борьбы, а не археографическое развлечение Ф.В. Ростопчина — вывод достаточно очевидный. Дашкова говорит о письме так, как если бы оно было ей известно сразу после ропшинских событий, а потом всплыло уже при Павле I: «Если бы кто-нибудь заподозрил, что императрица повелела убить Петра III... я могла бы представить доказательства ее полной непричастности к этому делу: письмо Алексея Орлова, тщательно сохраненное ею в шкатулке, вскрытой Павлом после ее смерти»⁷⁴.

«ПАМЯТНИК НЕВИННОСТИ»

Появление копии 3-го письма Орлова через 40 лет после событий, ее внедрение в оборот рукописных материалов по истории России, которыми, минуя цензуру, обменивались образованные соотечественники (недаром Ростопчин послал этот документ не только Дашковой, но и С.Р. Воронцову в Лондон), закрепляло одну версию убийства Петра III. На протяжении двух столетий исследователи считали источник достоверным, а отсутствие его подлинника и несколько странные обстоятельства обнаружения никого не смущали.

Между тем сама история Ростопчина вызывает вопросы. В примечаниях к своей копии он писал, что после смерти Екатерины II ему и генерал-прокурору Сената А.Н. Самойлову велено было запечатать кабинет государыни. «Через три дня по смерти императрицы поручено было великому князю Александру Павловичу и графу Безбородке рассмотреть все бумаги. В первый самый день найдено это письмо графа Алексея Орлова и принесено к императору Павлу; по прочтении им возвращено Безбородке, и я имел его с четверть часа в руках. Почерк известный мне графа Орлова. Бумага — лист серый и нечистый, а слог означает положение души сего злодея и ясно доказывает, что убийцы опасались гнева государыни, и сим изобличает клевету, подшую на жизнь и память сей великой царицы. На другой день граф Безбородко сказал мне, что император Павел потребовал от него вторично письмо графа Орлова. Прочитав в присутствии его, бросил к камин и сам истребил памятник невинности Великой Екатерины, о чем и сам чрезмерно после соболезнавал»⁷⁵.

Дашкова, передавая ту же историю со слов Ростопчина, приписала Павлу восклицание: «Слава богу! это письмо рассеяло и тень сомнения, которая могла бы еще сохраниться у меня». Если император испытал радость и облегчение, то зачем было

сжигать письмо? Возможно, подлинник содержал нечто большее, чем копия, и Павел не хотел, чтобы неудобные строчки сохранились? Можно ли без санкции государя скопировать такой источник, не опасаясь опалы? Вопросов история Ростопчина порождает множество.

До работы О.А. Иванова о письмах Орлова из Ропши в самом факте существования 3-го письма никто не сомневался. Однако исследователю удалось выдвинуть весомые аргументы в пользу того, что перед нами — фальсификация. При этом созданная умело, которую за «четверть часа» сочинить нельзя. Так, Ростопчин был хорошо знаком с первыми двумя письмами Орлова и должен был держать их перед глазами, составляя третье. Сходны титулования Екатерины в начале записок и обороты речи. В то же время имелись и бросающиеся в глаза различия. В подлинных письмах Орлов обращался к императрице на «вы», в копии — на «ты». Язык копии заметно грамотнее, чем оригиналов. Петр III назван «государь», вместо «бывший государь»⁷⁶.

Копия Ростопчина получила хождение уже после смерти Павла I. Чего он добивался, снимая вину с Екатерины II? Расположения нового императора Александра I, обещавшего править «по уму и сердцу своей бабки»? Очевидной исторической параллели, которую ухватил А.Н. Тургенев — «...или, подобно внуку Александру, она лишь воспользовалась благами уже совершившегося?» — выгодной молодому царю? Доверия Дашковой? Благосклонности великой княгини Екатерины Павловны, интересовавшейся историческими документами? Иванов показал, что до появления копии, с которой Ростопчин стал вхож к влиятельным лицам, забавляя их любопытным свидетельством старины, он пребывал в опале. Александр I не благоволил к бывшему сотруднику отца. Однако постепенно, благодаря любимой сестре царя, Екатерине Павловне, дела Федора Васильевича пошли на лад: она «буквально вырвала для него место московского генерал-губернатора». А сблизил Ростопчина и великую княгиню именно общий интерес к недавнему прошлому. Он стал завсегдатаем ее салона в Твери и пленял слушателей живым, артистическим пересказом анекдотов минувших царствований.

Однако остаются сомнения. Грамотность языка копии сравнительно с оригиналами можно объяснить именно фактом переписывания. Обращение на «ты» и наименование Петра III «государем» без добавки «бывший» — волнением автора. Странная история с сожжением письма — импульсивностью Павла I или его злонамеренностью по отношению к матери. Тот факт, что краткое сообщение о смерти императора имелось во втором письме, не исключает возможности написания третьего — более пространного. Таким образом, ставить точку в расследовании рано.

Кроме того, отсутствие «признательного» письма из Ропши еще не снимает подозрений с Орлова. Оно лишь показывает, что события развивались не так, как описано в этом источнике. Пока письмо считали подлинным, оно служило главным аргументом, затмевая собой слова, сказанные Алексеем Григорьевичем в Вене в 1771 г. о том, что его вынудили пойти на преступление. Но коль скоро первый источник утратил доверие ученых, естественным образом повысилось внимание ко второму.

Весной 1771 г. на пути из Петербурга в Ливорно, где стоял русский флот, граф Орлов остановился в Вене. Здесь, обедая у посла Дмитрия Михайловича Голицына, в присутствии иностранных гостей он вдруг коснулся Ропшинской драмы. 4 мая французский поверенный в делах Франсуа-Мари Дюран де Дистроф донес в Париж из Австрии: «Без какого-либо побуждения с чьей-либо стороны граф Алексей Орлов по собственному желанию не раз вспоминал об ужасной кончине Петра III. Он говорил, сколь жаль ему такого доброго человека, с коим принужден он был совершить требовавшееся от него. Сему генералу, обладающему чрезвычайной телесной силой, поручили удавить государя, и теперь, судя по всему, его преследуют угрызения совести»⁷⁷.

Нетрудно отделить слова самого Орлова от комментария слушателя: «Он говорил, сколь жаль ему такого доброго человека, с коим принужден он был совершить требовавшееся от него». Возникает вопрос: кем? Екатериной? Паниным? Приехавшим в Ропшу Г.Н. Тепловым от имени императрицы? Орлов намеренно не уточнил. Но сбрасывать его свидетельство со счетов нельзя. Остроумное замечание В.А. Плугина о том, что признание обвиняемого — еще не доказательство вины, справедливо. Однако граф обнаружил свое откровение не под пыткой в инквизиционном трибунале, а за столом посла, в окружении иностранцев. Голицын обязан был доложить о его высказывании в Петербург, а остальные дипломаты поспешили бы уведомить свои дворы. Алексей Григорьевич был человеком хитрым, хотя умел казаться простодушным, открытым и даже недалеким. Подобное заявление один из первых российских вельмож мог сделать только намеренно.

Справедливо мнение тех ученых, которые видят в неожиданной откровенности Орлова форму давления на императрицу⁷⁸. В 1771 г. дела орловской партии в Петербурге становились все хуже. Григорий Григорьевич терял политический вес. После неудачных переговоров с турками в Фокшанах он утратил пост фаворита. Его заметно потеснила группировка Панина, выдвинувшая нового любимца — А.С. Васильчикова. Никита Иванович, а с ним и Екатерина, считали, что войну с Портой необходимо закончить поскорее. Орловы же стояли не только за продолжение конфликта, но и за поход на Константинополь. Острая политическая конфронтация заставила Алексея прибегнуть к «запретному» методу борьбы — упомянуть события, которых старались не касаться. Граф показывал: еще немного, и он станет откровеннее.

Однако мы не можем утверждать, что намек героя Чесмы предназначался только для Екатерины. Панин также, если не в первую очередь, являлся его адресатом. 18 марта 1774 г. Дюран, уже находившийся в Петербурге в качестве посла, сообщил без пояснений, что именно Васильчиков задушил Петра III, а Алексей приехал, когда все было уже кончено⁷⁹. Дипломат передал не сами слова, а суть сказанного, причем так, как он ее понял. Фаворит не участвовать в Ропшинской драме, и, называя его, Алексей указывал на покровителей нового любимца — группировку Панина.

«ШВЕД ИЗ БЫВШИХ ЛЕЙБ-КОМПАНЦЕВ»

В науке, как и в обыденной жизни, случаются алогичные вещи. Копия 3-го письма Орлова не подкрепляла, а скорее опровергала версию Рюльера. Дипломат называл Алексея убийцей, к тому же посылал его — «растрепанного, в поте и пыли» — с известием к императрице. Сам же «виновник торжества» настаивал на случайности и делал это письменно. Не имело смысла сначала составить признание, а потом с ним в руке скакать в столицу.

Однако подрыв доверия к письму Орлова ударил и по версии Рюльера, до того считавшейся незыблемой. Сразу обнаружилось, что исследователи сами надели себе шоры. Имеются и другие заслуживающие внимания источники. Один из них — «Записки» Андреаса Шумахера — подобно застенчивой красавице на великосветском балу, давно и терпеливо ждал, когда на него обратят внимание.

Книга Шумахера вышла сравнительно поздно — в 1858 г. в Гамбурге на немецком языке. Рукопись хранится в Королевской библиотеке в Стокгольме. К тому времени, когда работа увидела свет, описываемые события потеряли остроту, а ключевая версия сложилась. Поэтому в дискуссиях ученых ей долгое время отводилась вспомогательная роль. Между тем она обладает самостоятельной ценностью.

Секретарь датского посольства, точно так же как и Рюльер, находился в Петербурге в момент переворота. Он тоже собирал сведения о случившемся, но, по-видимому, круг его информаторов был шире, включая и безымянных солдат в Ропше, поскольку некоторые, запечатленные им детали можно было подглядеть, только находясь рядом с

императором. При этом плотность «второстепенных» подробностей в описании Шумахера очень высока — в какой карете привезли, сколько окон имелось в комнате, какого цвета гардинами она была зашторена, какой именно мундир надели на покойного, как ему скрестили руки... Источниковеды знают, что такой характер текста объясняется обычно не пристрастием автора к мелочам, а стремлением как можно точнее передать сторонний рассказ об увиденном. Для сравнения — взгляд Рюльера все время скользит по поверхности. Француз рассказывает о главном — событиях — почти не вдаваясь в красноречивые детали. Это передача слухов со слухов, если можно так выразиться.

Шумахер не помещал ни театральные сцены, ни выпяченных заявлений. Его книга предназначалась для ознакомления узкого круга друзей и родных, ею не развлекали публику в политических салонах. Русское правительство не пыталось перекупить рукопись и, похоже, вообще не знало о ней. Однако авторское самолюбие было и у датчанина. Он писал для потомства, удивленный и обиженный легковесностью уже вышедших брошюр о перевороте.

«Чтобы по мере сил... не остаться в долгу перед грядущими веками, — торжественно сообщал Шумахер, — я желаю выдавшиеся мне теперь часы досуга использовать для записи всего того, что сам я видел и слышал либо же узнал от людей, которые являлись... свидетелями той или иной сцены. Это показания... я самым тщательным образом сличил между собою и счел возможным использовать лишь те из них, которые полностью согласовывались друг с другом. Надеюсь, что страстная любовь к истине воодушевит и других сочинителей, которые, как и я, будут просто писать для потомков, не прибегая к искажениям и выдумкам».

Так и представляешь себе достойного джентльмена, скрипящего пером у горящего камелька, в кабинете собственного дома, где из шкафов темного дерева на него глядят кожаные переплеты старинных книг, тисненные золотом...

Шумахер настаивал на том, что убийство произошло после увоза лакея Маслова. Тогда «один принявший русскую веру швед из бывших лейб-компанцев — Швановиц (Щванович, Шванвич. — *О. Е.*), человек очень крупный и сильный, с помощью еще некоторых других людей жестоко задушил императора ружейным ремнем. О том, что этот несчастный государь умер именно такой смертью, свидетельствовал вид бездыханного тела, лицо у которого было черно, как это обычно бывает у висельников или задушенных... Можно уверенно утверждать, что были использованы и другие средства, чтобы сжить его со света, но они не удались. Так, статский советник доктор Крузе приготовил для него отравленный напиток, но император не захотел его пить. Вряд ли я заблуждаюсь, считая этого статского советника и еще нынешнего кабинет-секретаря императрицы, Григория Теплова, главными инициаторами этого убийства... 3 июля этот подлый человек поехал в Ропшу, чтобы подготовить все к уже решенному убийству императора. 4 июля рано утром лейтенант, князь Барятинский, прибыл из Ропши и сообщил обер-гофмейстеру Панину, что император мертв. Собственно убийца — Швановиц — тоже явился к этому времени, был произведен в капитаны и получил в подарок 500 рублей. Такое вознаграждение за столь опасное предприятие показалось ему слишком малым, и он пошел к гетману, как для того, чтобы сделать ему о том представление, так и пожаловаться, что ему дают весьма отдаленную часть в Сибири. Тот, однако, не вдаваясь в рассуждения, весьма сухо ответил, что отъезд его совершенно необходим, и приказал офицеру сопровождать его до ямской станции и оставить его, лишь убедившись, что он действительно уехал»⁸⁰.

Курьезно, что Мыльников отождествил Швановича и Алексея Орлова: ««Шванович» (то есть Орлов)»⁸¹, — сообщил он. Между тем Александр Мартынович Шванович — слишком хорошо известный в историографии персонаж, чтобы приписывать его фамилию кому-либо другому. Кроме того, Орлов собственной персоной несколько раз упомянут Шумахером на той же странице. Вероятно, биографу Петра III понравился текст датчанина, поскольку тот отзывался о несчастном императоре с явным

сочувствием, в отличие, например, от Рюльера. Но автор не захотел расстаться с образом Орлова-убийцы и подставил нужное имя в текст.

Долгое время фамилия Шванвича мелькало в связи с историей Пугачевского бунта. А после включение «Записок» Шумахера в активный научный оборот вызвало дискуссию. Александр Мартынович был сыном ректора гимназии при Академии наук, Мартына Марыновича Шванвича, приехавшего в Россию еще при Петре I. Он начал службу в 1740 г. «артиллерии кондуктором инженерного корпуса», но вскоре перешел в так называемую Лейб-компанию — отряд личной охраны императрицы, образованный из гренадерской роты Преображенского полка, с которой Елизавета участвовала в перевороте. По непроверенным, но часто встречающимся в литературе данным, Шванвич был крестником государыни, приняв православие уже в зрелом возрасте, что и позволило ему перевестись в привилегированную часть. Более того, Елизавета якобы крестила и его сына Михаила — впоследствии перешедшего на сторону Пугачева.

В гвардии Шванвич дослужился до чина поручика. Он отличался не только силой Геркулеса, но и буйным нравом. В бытность лейб-компанцем на него завели два дела: одно — о драке с купцами Воротниковыми, другое — о краже легавого щенка у своего же полкового товарища, Петра Кузьмина, который на допросе объяснил свое паническое бегство от обидчика: «Знаем, сколько он шпагою многим людям вреда причинил и порубил». Последняя характеристика прибавляет правдоподобности слуху, будто именно Шванвич в драке раскроил Алексею Орлову щеку.

Оба дела остались недоследованными. Нравы Лейб-компании нельзя назвать образцовыми, пьянство и драки случались часто. Но даже на этом фоне Шванвич выделялся. Ничего удивительного, что его постарались сбить на сторону. В 1760 г. буян был «выключен из Лейб-компании» и «определен в Оренбургский гарнизон». Шванвич успел отправить к новому месту службы жену и детей, но за непутевого брата вступилась сестра Елена, бывшая замужем за камердинером великого князя Стефаном Карновичем. Благодаря его протекции Александр Мартынович оказался переведен «в голштинский полк ротмистром». Таким образом в момент переворота Шванвич принадлежал к голштинцам.

Само упоминание версии Шумахера об убийстве Петра III Шванвичем вызвало на первых порах горячий протест. Так, специалист по истории Пугачевского бунта Р.В. Овчинников в рецензии на книгу Н.И. Павленко «Страсти у трона» писал: «Поручик Александр Мартынович Шванвич никак не мог участвовать в этой акции. За неделю до того... 28 июня 1762 г. Шванвич, по недоразумению заподозренный в приверженности к Петру III, был арестован и заключен в крепость, где и содержался около четырех недель. По повелению Екатерины II Военная коллегия указом от 24 июля 1762 г. освободила Шванвича из заключения и предписала ему отправиться из Петербурга на службу в один из армейских полков, расквартированных на Украине. Об ошибочном аресте и заключении в Петропавловскую крепость поведал и сам Шванвич в челобитной, поданной на имя Екатерины II в ноябре 1763 г. Эти документальные свидетельства, бесспорно опровергающие версию Шумахера относительно причастности Шванвича к убийству Петра III, были приведены в статье, опубликованной за несколько лет до появления книги “Страсти у трона”»⁸².

Для ученого нет ничего более, чем игнорирование коллегами его вклада в копилку знаний. В своей статье Реджинальд Васильевич привел перечисленные документы⁸³, но из них вовсе не следует столь категоричный вывод, ведь дата ареста Шванвича не названа ни в одном. Анализ и сопоставление этих источников по архивным материалам осуществил К.А. Писаренко.

В челобитной Шванвича сказано: «Во время вступления Вашего Императорского Величества на всероссийский императорский престол находился при Вашем Императорском Величестве... а по несчастью моему безвинно крепким арестом заключен был и... из одного заключения освобожден по сообщению... графа Кирилла

Григорьевича Разумовского присланном в Государственную Военную коллегию о пожаловании меня капитанским чином и о определении в украинской корпус».

25 июля 1762 г. Разумовский послал Военной коллегии объявление, касавшееся некоторых сотрудников Петра III и офицеров, считавшихся его сторонниками. Этот список начат фамилией Мельгунова. Среди прочих: «Ингерманландского поручика Александра Швановича... определить... капитаном в украинские полки». Этот документ вообще не упоминал об аресте и даже принадлежности Швановича к голштинцам. Он и сам в челобитной опустил данный факт, ставший после переворота неудобным.

Где же «бесспорное» опровержение версии Шумахера? Или хотя бы данные о времени и продолжительности заключения? В 1792 г. сын Александра Мартыновича — Николай — сочинил краткий мемуар об отце под красноречивым заглавием «Памятная записка о любимце Петра Третьего». Этот документ, составленный по воспоминаниям старшего Швановича, давно известен историкам и содержит откровенные «неточности». Так, Николай утверждал, что его отец получил от императора 300 душ, но поскольку Петра вскоре свергли, так и не смог вступить во владение. Во время переворота его якобы захватили и увезли в Шлиссельбург, где содержали полгода. Ни тот, ни другой факт не подтверждается ни собственной челобитной Швановича, ни объявлением Разумовского.

Однако в памятной записке есть любопытная информация, пересекающаяся с текстом Шумахера о посещении раздосадованным Александром Мартыновичем гетмана. Правда, сын облагородил мотивы этого визита, но в целом картина сходная: «Пошел к одному великому вельможе и говорит ему: “Я просил Государыню не о принятии меня в службу, а о пожалованных мне... деревнях... Я не знаю, кто и за что мне в том злодействует”.

Вельможа с грозным видом, однако же отступая назад, сказал: “...Ты и то доволен ее милостью”. ...Потом вельможа скрылся, а через два часа моего отца заключили в Петропавловскую крепость, из коей через три недели отправили за караулом уже в полк, квартировавший в Оренбурге»⁸⁴. На самом деле Шванович поехал в Оренбург за женой и детьми, а откуда уже отбыл на Украину.

Сопоставив данные челобитной, объявления и памятной записки, где сказано, что заключение в Петропавловской крепости длилось три недели, Писаренко предложил примерную дату ареста Швановича, который последовал не ранее встречи с «великим вельможей». Три недели — 21 день — отнимаются от 25 июля, когда Разумовский отправил в Военную коллегию объявление. Выходит 4 июля⁸⁵. Примерно тогда Александра Мартыновича и взяли под стражу. Таким образом, Шванович имел шанс принять участие в убийстве Петра III.

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ КРЕДИТА»

На наш взгляд, рассказ сына Николая о деревеньке в 300 душ и о заключении в Шлиссельбурге имеет некую основу. Голштинцев, как мы помним, задержали, а потом начали отпускать, приведя православных к присяге. Это краткое пребывание в земляной крепостице и могло стать основой для преувеличения — полгода в одной из самых страшных тюрем империи.

Согласно воспоминаниям Сиверса офицерам разрешили разойтись по своим квартирам. Среди них, вероятно, был и Шванович. Чтобы склонить человека к убийству, нужны веские доводы. Перевод из далекого холодного Оренбуржья на Украину — один из них. Ходатаем выступил сам гетман. Вероятно, обещаны были и иные награды. Недаром Шванович почувствовал себя обманутым. Если при жизни Петр III обмолвился ротмистру о деревеньке, но не успел выполнить слово, то возжеланные 300 душ тоже легли на чашу весов. Вряд ли покровители отказали в них из жадности. Просто такое пожалование человеку, внешне ничем в перевороте не отличившемуся, обращало на него

внимание. А внимания как раз следовало избежать. Шванвич проявил жадность и не захотел сидеть тихо. Поэтому его арестовали, подержали в крепости — для вразумления — и выслали из города под караулом. Такое развитие событий правдоподобно.

Однако швед необычайной силы — не единственный убийца, названный Шумахером. Его провел к жертве действительный статский советник Григорий Николаевич Теплов — личность весьма примечательная. Один из самых одаренных людей своего времени: администратор, писатель, музыкант, естествоиспытатель, философ, автор многих политических проектов и... совершенно беспринципный человек. Он напоминал яблоко, сердцевина которого сгнила раньше, чем бока налились соком. Сын придворного истопника, ученик Феофана Прокоповича, Теплов рано обратил внимание высоких особ на свои способности, и рано, еще во времена Анны Иоанновны начал писать доносы.

Возвышение Григория Николаевича началось после того, как в 1743 г. Алексей Разумовский выбрал его из числа академических переводчиков в качестве наставника для брата Кирилла. Во время поездки за границу Теплов сумел завоевать доверие подопечного. После назначения Кирилла президентом Академии его бывший ментор стал членом Академического собрания и фактически осуществлял руководство Академией вместо молодого, не склонного к наукам вельможи. Он пользовался безусловным покровительством гетмана, распоряжаясь даже в его доме⁸⁶. Заведую гетманской канцелярией, Теплов держал в своих руках и малороссийские дела. При Петре III его ненадолго заключили в крепость за нелестные отзывы об императоре, но вскоре выпустили по недостатку улик. Вместе со своим высоким патроном Теплов принял участие в заговоре и стал составителем первых манифестов Екатерины II, за что был пожалован в статс-секретари.

Однако вернувшийся из опалы старый канцлер А.П. Бестужев-Рюмин затребовал свое следственное дело и на основе его материалов пришел к выводу, что предателем был именно Теплов. Он донес о тайной переписке Екатерины с гетманом. «О сем секрете никому известно быть не могло, кроме Теплова»⁸⁷, — рассуждал Алексей Петрович. Позднее Теплов старался очернить своего благодетеля Кирилла Разумовского в глазах молодой императрицы. По выражению Григория Орлова: «лобзая, его же предал»⁸⁸.

Вот такой человек, по словам Шумахера, прибыл утром 3 июля в Ропшу вместе с Шванвичем и Крузе. Если под загадочным «Тервью» из донесения Беранже скрывается именно Теплов и перед нами не более чем неудачная расшифровка скорописи, то рассказ французского дипломата мало чем отличается от рассказа Шумахера. «Вершиной гнусности и злодейства стал Тервью, отправившийся к нему (Петр III. — *О. Е.*) через четыре или пять дней после свержения, заставлявший его силой глотать микстуру, в которой он растворил яд, коим хотели убить его. Государь долго сопротивлялся приему микстуры, выражая сомнение в том, что содержимое бокала — лекарство, и полагают, что он уступил только силе и угрозам. Добавляют, что после этого он попросил молока, в чем ему бесчеловечно было отказано, и что яд не произвел скорого действия, и тогда решили его задушить... Врач Крузе, которого он ненавидел и которого послали к нему, подозревался в приготовлении этого яда»⁸⁹.

Любопытно, что по горячим следам Беранже не упомянул Орлова среди убийц. А вот позднее имя Алексея появилось в депешах. Значит, был промежуток времени, когда традиционного козла отпущения не считали виновным, и лишь позднее, под влиянием старательно распространенных слухов, им заменили всех остальных.

Шумахер не назвал имена тех высоких персон, которые стояли за спиной Теплова, Шванвича и Крузе. Он лишь поведал о конфликте шведа с Разумовским и тем намекнул на суть дела. Но полагать, будто датский дипломат указал еще и на Панина с Дашковой, как иногда делают сторонники версии о заговоре вельмож, неверно. Имя Никиты Ивановича вообще отсутствует. О Екатерине же Романовне речь заходит только в связи с

планом заколоть императора во время пожара и бросить в горящую комнату. Но не в связи с Ропшей.

Единственным звеном между этими людьми и роковым событием является Теплов. В примечаниях на книгу Рюльера княгиня отрицала, что он отправился к императору. При этом построила фразу весьма двусмысленно: «Теплов не был послан в Ропшу». Не был послан? Или не ездил? Впрочем, близкое знакомство с Одаром Дашкова тоже отрицала.

Возможно, и Теплов — того же рода компрометирующая связь. Относительно него княгиня пометила в комментариях: «Он писал очень свободно и красноречиво, и я думала назначить его секретарем императрицы»⁹⁰. Из этих слов видно, какое место Екатерина Романовна отводила себе — человека, который может назначать чиновников в окружении царицы. Позднее Г.Р. Державин, конфликтовавший с княгиней по своей сенаторской должности, вспоминал: «Дашкова была честолюбивая женщина, добивалась первого места при государыне, даже желала заседать в Совете»⁹¹. Имелся в виду тот самый Совет, проект которого исходил от Панина, и где Никита Иванович надеялся играть главную роль. Как оказалось, не он один. Впрочем, Рюльер подчеркивал, что разногласий между ним и племянницей не было: «Панин и княгиня одинаково мыслили на счет своего правления»⁹².

Близость Теплова к Разумовскому была известна всем. Но после находок Бестужева отношения Григория Николаевича с благодетелем ухудшились. Зато он обрел нового покровителя в лице Панина. Дашкова настаивала, что именно она обратила внимание дяди на этого человека и убедила Никиту Ивановича, как важно иметь Теплова «на нашей стороне». С воспитателем наследника статс-секретарь вел почти дружескую переписку, оказывал ему услуги административного свойства, передавая императрице те или иные бумаги. Когда Панин ненадолго уехал в конце августа, Теплов рассказывал Никите Ивановичу петербургские новости в тоне едва прикрытой оппозиционности, а себя называл «человеком без кредита».

29 августа он писал: «В заключение поговорим о княгине Дашковой, которая, кажется мне, в большом горе после вашего отъезда. Я почти постоянно у нее. Дух ее, хотя и в беспокойстве обретающийся, порождает постоянно идеи, от которых я рот разеваю. Наши уединенные беседы с сею дамою, добродетельною и разума исполненною, составляют единственное утешение для моего духа, удрученного беспокойством. Я имел честь обедать с нею... Смех содействовал много нашему пищеварению, тем более что наша любезная хозяйка подбавляла соли. Я теряю терпение, но я привожу себе на память, что... два месяца недостаточны, чтоб сказать, что имеешь довольно опытности при дворе. Императорский совет решит все... Верно то, что не станут удерживать силой того, от кого хотят отделаться. Служить, не имея доверенности государя, все равно, что умирать от сухотки. Ради Бога, берегите ваше здоровье и успокойтесь от тех волнений в крови, которые причинили вам дела петербургские. Это единственное средство для в[ашего] п[ревосходитель]ства, для княгини и для того, который всю свою жизнь не перестанет вас любить»⁹³.

Что следует из этого письма? Принадлежность Теплова к кругу Панина. Сочувствие проекту Совета. Частые дружеские контакты с Дашковой. И уловимое разочарование. Чувство утраты внимания императрицы. Причем не им одним, что легко объяснить обвинениями Бестужева, а *ими всеми*. Отсюда размышления об отставке и упования на Совет.

Какое это имеет отношение к убийству? Как будто никакого. Однако связи — тонкие ниточки между разными участниками событий — становятся яснее.

«ВСЕ ПОКОЙНЫ, ПРОЩЕНЫ...»

После того как мы познакомили читателей с имеющимися версиями, позволим себе высказать некоторые соображения. Инструкции по содержанию Петра III не сохранились или были уничтожены. Однако подобные документы тогда создавались по аналогии с предшествующими сходного содержания. Единственным царственным узником до Петра был Иван Антонович. Поэтому указы Екатерины II Алексею Орлову относительно арестанта в Ропше должны были хотя бы отчасти повторять предписания по пригляду за «безымянным колодником».

Последние были достаточно суровы. Именной указ Петра III капитану, князю Чурмантееву, прямо говорил о возможности покончить с Иваном при попытке его захвата: «Буде сверх нашего чаяния кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколько можно и арестанта живого в руки не отдавать». При Петре же были ужесточены условия содержания. В инструкции Александра Шувалова предписывалось за неповиновение сажать заключенного «на цепь» и бить «палкою и плетью» «доколе он усмирится»⁹⁴.

Условия содержания самого Петра показывают, что относительно него были даны весьма жесткие инструкции. Хотя ни цепи, ни палки не было. А вот пункт о возможном захвате свергнутого императора противниками следовало предусмотреть. Тем более что он имелся в документах, с которыми неизбежно сверялись, составляя инструкции для команды Орлова. При попытке освободить Петра начинал действовать пункт: «живого в руки не отдавать». А.Б. Каменский рассуждал: «Убивать его... имело бы смысл лишь в одном случае — в случае острой опасности контрпереворота, но такой опасности явно не было»⁹⁵.

Позволим себе усомниться во второй части этого утверждения. Волнения среди полков продолжались и порой принимали угрожающие формы. Рюльер писал: «Уже прошло 6 дней после революции: и сие великое происшествие казалось конченным, так что никакое насилие не оставило неприятных впечатлений... Но солдаты удивлялись своему поступку и не понимали, что привело их к тому, что они лишили престола внука Петра Великого и возложили его корону на немку. Большая часть без цели и мысли были увлечены движением других, и когда всякий пришел в себя, и удовольствие располагать короной миновало, то почувствовали угрызения. Матросы, которых не прельщали ничем во время бунта, упрекали публично в кабачках гвардейцев, что они за пиво продали своего императора, и сострадание, которое оправдывает и самых величайших злодеев, говорило в сердце каждого. В одну ночь приверженная к императрице толпа солдат взбунтовалась от пустого страха, говоря, что их матушка в опасности. Надлежало ее разбудить, чтобы они ее видели. В следующую ночь новое возмущение, еще опаснее — одним словом, пока жизнь императора подавала повод к мятежам, то думали, что нельзя ожидать спокойствия»⁹⁶.

О несогласии в гвардейских частях еще в процессе переворота сообщал и Шумахер: «Между Преображенским и Измайловским полками уже царило сильное соперничество»⁹⁷. Вернувшись в столицу, многие охолонули. А иные опомнились, устыдились своей пассивной роли и обрели голос. В 1770 г. Дашкова рассказывала Дидро о перевороте: «Это было делом непонятого порыва, которым все мы бессознательно были увлечены... В заговоре было так мало единства, что накануне самой развязки ни я, ни императрица, никто другой не подозревал ее близкого результата. За три часа до переворота можно было подумать, что он отстоит от нас несколькими годами»⁹⁸.

Если сами участники жаловались на скорость произошедшего, то перед горожанами и гвардейцами «маленькая петербургская революция» промелькнула, как калейдоскоп картинок. Екатерина превосходила своих противников не только хитростью, но и чувством времени. Она жила быстрее, осмысливала информацию, принимала решения раньше, чем они. И потому выигрывала. Ее оппоненты только садились рассуждать, а императрица уже бралась за дело. Такой ритм передавался и ее

ближайшим сотрудникам. Орловы — Григорий несмотря на свою лень, а Алексей — на обстоятельство — умели действовать с предельной скоростью, о чем свидетельствует история 28 июня, когда им удалось опередить, а не обмануть Панина.

Но подобный ритм имел оборотную сторону. За ним могли уследить далеко не все. Переворот совершился *слишком быстро*. Никто толком не успел опомниться. Порыв прошел, и запоздалые мысли стали появляться в головах людей, прежде захваченных общим воодушевлением. По возвращении гвардии в Петербург выяснять отношения было все равно, что махать кулаками после драки. Но в том-то и дело, что для многих драка только начиналась.

Преображенский полк обнаружил себя отодвинутым от привычного первенства. Армейские части, Морской экипаж и, как вскоре оказалось, Артиллерийский корпус вообще не высказались. Ситуация была чревата непредсказуемыми последствиями.

Рюльер связал решение участи свергнутого императора именно с волнениями полков. В ночь с 30 июня на 1 июля измайловцы требовали Екатерину и, возможно, у них были причины подозревать противников в злом умысле против «Матушки». С 1 на 2 июля толпа вооруженных людей снова раскачивала дворец. 3-го Петра не стало.

Беранже в донесении 10 августа сообщал: «Это последнее решение было принято по причине раскрытия заговора и особенно потому, что Преображенский полк должен был выволочить Петра III из тюрьмы и восстановить его на престоле»⁹⁹. Мы не знаем, до какой степени сведения дипломата соответствовали реальности, но нам известно — столицу продолжало лихорадить. Одного подозрения преобразенцев или иного полка в намерении освободить императора было достаточно для решения его участи.

Возможно, соратники решили дело между собой, не привлекая императрицу. Налицо было волнение в полках. На руках — инструкция. Теплов отправился с Крузе и Шванвичем в Ропшу. Сообщил Орлову о положении в Петербурге. Алексей, как видно из его подлинных писем, и сам считал, что свергнутый император опасен. Ситуация соответствовала пункту «живого в руки не отдавать». Слова о том, что Преображенский полк якобы готов освободить государя, подтолкнули к развязке. Однако офицеру благородного происхождения поднимать руку на царя не годилось. Алексей должен был спросить, кто исполнит дело. Крузе и Шванвич были наготове. Алексей пропустил их к арестанту. В этом и состояла его вина. О ней он говорил в Вене.

Практически все источники фиксируют сначала попытку отравить императора, а затем удушение. При расstroенном желудке Петра яд мог подействовать не сразу. К тому же узника рвало. Просьба принести молока указывает на то, что несчастный догадался о яде, ведь молоко смягчает кишечные рези. Со стороны убийц было бы проще дать арестанту медленнодействующий яд под видом лекарства, а самим уехать, оставив Алексея расхлебывать последствия. Но, видимо, они спешили, потому что, когда не подействовал мгновенный яд, задушили императора. Такая поспешность говорит об угрозе. Возможно, опасность нападения на Ропшу представлялась им реальной.

Почему было не увезти узника в более безопасное место? Например, в тот же Шлиссельбург? Из подлинных писем Орлова следует, что Петр практически не вставал. Вероятно, он был не транспортабелен. В любом случае насилие совершилось над тяжело больным человеком.

Беранже считал, что Екатерина не знала о случившемся 24 часа. Шумахер — трое суток. Однако если Алексей сообщал о смерти государя в приписке ко 2-му письму, то известие было направлено сразу же. Другое дело — когда передано. Определенная пауза, очевидно, была. Сразу после возвращения из Петергофа государыня каждый день присутствовала на заседаниях Сената: 1, 2, 3, 4-го, а затем 6 июля. Возможно, лагуна в одни сутки и показывает, когда императрица известилась от ударе. 4-го она должна была узнать и 5-го не нашла в себе сил предстать перед Сенатом. 5-м же июля помечен приказ о доставке голштинской формы покойного императора из Ораниенбаума.

4 июля Разумовский был назначен командовать Петербургским гарнизоном. И этот шаг — прямая реакция на случившееся. Екатерина продолжала считать Кирилла Григорьевича надежным, очень преданным лично ей человеком. Для нас важно, что она не увидела в действиях своих сотрудников заговора. В письме Понятовскому 9 августа императрица сообщала о новых статс-секретарях: «Теплов хорошо мне служит», а 12 сентября о Разумовском и Никите Ивановиче: «Гетман все время со мной, а Панин — самый ловкий, самый рассудительный, самый усердный мой придворный». И тут же мельком: «Все покойны, прощены, выказывают свою преданность родине»¹⁰⁰.

Можно было не касаться роковых имен, но государыня написала то, что написала. Значит, она не считала Теплова, Разумовского и Панина злонамеренными негодяями. Ситуация оправдывала их действия. Но указы императрицы Орлову все-таки исчезли. Из этой истории Екатерина вынесла драгоценный опыт — не на всех документах можно ставить свое имя. Инструкции касательно Ивана Антоновича подписал уже Панин.

Остается вопрос, была ли угроза действительной? Или вельможная партия только воспользовалась волнениями в столице, чтобы надавить на Орлова? Сам Алексей стал считать себя виновным сразу, поскольку по возвращении из Ропши подал в отставку. По мнению Плугина, у него произошел нервный срыв¹⁰¹. Но развитие событий и, вероятно, просьбы Екатерины, заставили Алексея вернуться. 29 июля ему был пожалован чин секунд-майора Преображенского полка. Да, в сущности, он никуда и не уходил. Победители пребывали во дворце, как в осаде: еженощные тревоги, необходимость уговаривать гвардейцев разойтись, плевки и оскорбления от них. Судя по сообщениям дипломатов, Орловы и гетман, которых считали виновниками смерти Петра, пережили страшные дни.

Как вела себя Екатерина? Этот вопрос интересовал всех. Гольц сообщал Фридриху II 10 августа: «Отвечая на приказание уведомить, была ли императрица тронута смертью покойного императора, осмеливаюсь сказать, что она в присутствии других не выражала этого ничем, хотя, с другой стороны, утверждают, что наедине она казалась растроганной»¹⁰². Вероятно, государыня много плакала. Что должна была чувствовать женщина, прожив трудную, полную обид жизнь с человеком, которого сначала полюбила, потом жестоко ревновала, презирала, опасалась и наконец потеряла при таких ужасных обстоятельствах? Потрясение, печаль, раздумья...

ПРОЩАНИЕ

Теперь с шаткой почвы гипотез можно вернуться к тверди исторического факта. Ночью 8 июля тело Петра III привезли из Ропши в Александро-Невский монастырь. Столица была охвачена слухами, и, видимо, еще до появления печальной процессии в городских домах, кабаках и на улицах бурно обсуждали произошедшее.

Никакой тишины сохранить не удалось. Хотя, похоже, в первый момент иностранные дипломаты не увидели в случившемся ничего неожиданного и не бросились сообщать своим дворам страшных подробностей. 10 июля Гольц просто констатировал факт смерти императора и издание Манифеста. А голландский резидент Мейнерцгаген донес на родину о приватной беседе с доктором Карлом Федоровичем Крузе, полностью подтверждавшей правдивость официальных сообщений: «Я знаю из уст самого лейб-медика, который видел бывшего императора в живых, а затем вскрывал его тело, что Петр скончался от апоплексического удара. Быть может, его спасли бы, если бы во время пустили ему кровь. Говорят, что императрица была глубоко тронута и горько плакала»¹⁰³.

Однако почти сразу же появились и настораживающие ноты. Тот же Гольц в другом донесении, датированным 10-м же июля сообщал о «множестве недовольных», число которых «возрастает со дня на день с тех пор, как стало известно, что внук Петра Великого свергнут с престола, и что его заменила иностранка, если и имеющая какое-

либо право царствовать, то только по мужу или по сыну»¹⁰⁴. Эта информация очень любопытна, так как она указывает на непрерывный ропот в городе.

Вид покойного императора способен был только подлить масла в огонь. Шумахер писал: «Бездыханное тело... выставили на обозрение в том же самом низком здании, где за несколько лет перед тем выставлялись останки его дочери, принцессы Анны, а также регентины Анны [Леопольдовны] ...

В указанном здании были две обитые черным и лишенные каких бы то ни было украшений комнаты. В них можно было различить только несколько настенных подсвечников, правда, без свечей. Сквозь первую черную комнату проходили во вторую, где на высоте примерно одного фута от пола в окружении нескольких горящих восковых свечей стоял гроб. Он был обит красным бархатом и обит широким серебряным позументом. По всей видимости, он был несколько коротковат для тела, поскольку было заметно, что оно как-то сжато. Вид тела был крайне жалкий и вызывал страх и ужас, так как лицо было черным и опухшим, но достаточно узнаваемым и волосы, в полном беспорядке, колыхались от сквозняка. На покойнике был старый голштинский бело-голубой мундир, но оставались видны только плечи, грудь и руки... Остальную часть тела скрывало старое покрывало из золотой парчи... Никто не заметил на нем орденской ленты или еще каких-либо знаков отличий. Всем входившим офицер давал два приказания — сначала поклониться, а затем не задерживаться... Наверное, это делалось для того, чтобы никто не смог рассмотреть ужасный облик этого тела. Комнаты, где выставляются тела уважаемых Санкт-Петербургских горожан, выглядят куда представительнее»¹⁰⁵.

Рассказ Шумахера совпадал со словами Рюльера, но последний поместил несколько важных суждений: «Тело покойного было привезено в Петербург и выставлено напоказ. Лицо черное, и шея уязвленная. Не смотря на сии ужасные знаки, чтобы усмирить возмущения, которые начали обнаруживаться, и предупредить, чтобы самозванцы под его именем не потрясли бы впредь империю, его показывали три дня народу в простом наряде голштинского офицера. Его солдаты, получив свободу, но без оружия, мешались в толпе народа и, смотря на своего государя, обнаруживали на лицах своих жалость, презрение, некоторый род стыда и позднего раскаяния»¹⁰⁶.

Правительство опасалось слухов, будто государь не умер, а о его скрыли, увезли, спрятали... Основания для тревоги были. Гольц отметил разговоры, что император «куда-то запрятан»¹⁰⁷. Демонстрацией останков старались убедить население в действительной смерти Петра III. Однако только подкрепили догадку, что государь убит. Обратим внимание: светильники на стенах остались пустыми, а вокруг гроба стояли высокие свечи, хотя рассеянный свет в черных комнатах был бы предпочтительнее концентрации освещения на теле покойного. В бедности обстановки, в неубранных волосах императора, его неестественной позе на смертном ложе трудно не увидеть чего-то нарочитого, выставленного напоказ. Неужели народ раздражали намеренно?

В то же время Гольц зафиксировал странное «легкомыслие» вельмож, стремление не погасить, а раздуть слухи: «Удивительно, что очень многие лица теперешнего двора, вместо того чтобы устранять всякое подозрение, напротив того, забавляются тем, что делают двусмысленные намеки на род смерти государя. Никогда в этой стране не говорили так свободно, как теперь. Имя Ивана [Антоновича] на устах народа, и теперь, когда первый взрыв и первое опьянение прошли, сознают, что только покойный император имел право на престол и что он никому не делал зла. Распушенность гвардии невообразима. Всякие насилия они совершают безнаказанно; офицеры и не пытаются удерживать их, довольные уже тем, что солдаты не оскорбляют их самих»¹⁰⁸.

Возмущение населения могло быть и преувеличено специально для давления на императрицу. Так, Сенат по инициативе Панина обратился к ней с просьбой отказаться от посещения тела супруга, поскольку в городе неспокойно. В экстракте протокола 8 июля записано: «Сенатор и кавалер Никита Иванович Панин собранию

Правительствующего Сената предлагал: Известно ему, что Ее императорское величество... намерение положить соизволила шествовать к погребению бывшего императора... но как великодушное Ее величества и непамятозлобивое сердце наполнено надмерною о сем приключении горестью... то... он, господин сенатор... обще с господином гетманом... представляли, что Ее величество, сохраняя свое здравие... для многих неприятных следств, изволила б намерение свое отложить; но Ее величество на то благоволения своего оказать не соизволила... Сенат... тотчас выступя из собрания, пошел во внутренние Ее величества покои и... раболепнейше просил, дабы Ее величество шествие свое в Невский монастырь... отложить соизволила. Ее величество долго к тому согласия своего не оказывала, но напоследок... благоволила».

Очень любопытная картина. Сначала Панин вместе с Разумовским обратились к Екатерине от себя, а когда она отказала, Никита Иванович организовал шествие сенаторов с той же просьбой. При этом он выступал как первый среди них, способный выразить общее мнение — глава. Это была своеобразная демонстрация силы, только не вооруженной, а административной, чисто государственной.

Сообщение о случившемся было помещено в петербургских газетах, чтобы оправдать тот факт, что государыня-вдова не плакала над телом мужа. «Когда Сенат представил императрице вышеизложенный доклад, — писал Шумахер, — она не только залилась слезами, но даже стала горько раскаиваться в шаге, который она предприняла. Она упрекала [сенаторов], что весь свет будет недоволен ею, если она не будет даже присутствовать при погребении своего супруга. Сенат, однако, повторил свое представление и добавил... что если императрица не прислушается к его мнению и отправится в монастырь, то по дороге ее собственная жизнь не будет в безопасности. Следует опасаться и без того озлобленных и раздраженных солдат — они легко могут прийти в такую ярость, что посягнут на тело усопшего императора и разорвут его на куски»¹⁰⁹.

Полагаем, что дипломат назвал не ту опасность, которая имелаась в действительности. Императрицу саму могли забросать камнями, и именно об этой угрозе ее предупреждал Сенат. При наличии в городе двух враждующих партий среди гвардейских полков одни могли напасть на нее, а другие — попытаться защитить. Это стало бы причиной кровавого столкновения.

Можно ли сказать, что Екатерину запугивали? Да, наверное. Но вместе с тем ее еще и провоцировали на плохо обдуманные меры, способные в условиях общего брожения еще больше всколыхнуть народ. Во время приезда императрицы в Сенат «на пятый или шестой день» по вступлении на престол — то есть 3-е или 4 июля — был поднят скользкий вопрос — «проект дозволения евреям въезжать в Россию. Екатерина, затрудненная по тогдашним обстоятельствам, дать свое согласие на это предложение, единогласно признаваемое всеми полезным, была выведена из этого затруднения сенатором князем Одоевским, который встал и сказал ей: “Не пожелает ли Ваше Величество прежде, чем решиться, взглянуть на то, что императрица Елисавета собственноручно начертала на поле подобного же предложения?” Екатерина велела принести реестры и нашла, что Елисавета по своему благочестию написала на полях: “Я не желаю выгоды от врагов Иисуса Христа”. Не прошло недели со времени восшествия Екатерины на престол; она была на него возведена для защиты православной веры; ей приходилось иметь дело с народом набожным, с духовенством, которому еще не вернули его имений и у которого не было необходимых средств к жизни... умы, как всегда бывает после столь великого события, были в сильнейшем волнении; начать такой мерой не было средством к успокоению умов, а признать ее вредной было невозможно». Поэтому императрица просто отложила решение. «Нередко недостаточно быть просвещенной, — заключала она, — ...часто разумное поведение подвергается безрассудным толкам»¹¹⁰.

Итак, в отличие от Елизаветы, наша героиня считала меру полезной. Но в момент народного брожения способной еще больше взволновать умы. При этом трудно предположить, будто государственные мужи, готовя повестку дня, не обратили внимания, как мало она сочетается с накаленной обстановкой в городе — столице, где могли начаться погромы иностранцев.

Голландский резидент Мейнерцгаген доносил 2 августа в Гаагу, что «третьего дня», то есть 31 июля, «ночью возник бунт среди гвардейцев», охвативший два старших полка — Семеновский и Преображенский. Солдаты «кричали, что желают видеть на престоле Иоанна [Антоновича], и называли императрицу поганою». «Майора Орлова» — Алексея — который пытался их успокоить, они именовали «изменником». Спустя два дня беспорядки возобновились, теперь «гвардейцы требовали выдать им гетмана»¹¹¹.

Гольц подтверждал, что положение Орловых и Разумовского было крайне незавидным: «Братья Орловы едва смеют теперь показываться перед недовольными. Нет таких оскорблений, которых не пришлось бы выслушать Орлову-камергеру (Григорию. — *О. Е.*) в одну из тех ночей, когда императрица посылала его успокаивать собравшихся. Одинаково ненавидят они гетмана. К нему всегда относилась с презрением вся здешняя знать за его низкое происхождение; недовольные же говорят теперь, что во время переворота он предал государя, обращавшегося с ним как с братом, только затем, чтобы воспользоваться беспорядками в государстве и самому захватить престол, но что эти замыслы не удалась ему»¹¹².

Как видим, возмущенные гвардейцы искали виновного и чаще других повторяли имена Орловых и Разумовского, не щадя при этом императрицу. Единственный, кто остался чист от подозрений — Панин. Ему не пенял никто, хотя Теплов в тот момент был связан с Никитой Ивановичем куда крепче, чем с преданным им гетманом.

Откладывая обнародования смерти Петра III, правительство рассчитывало, что город вот-вот поуспокоится. Тогда можно будет сообщить роковую весть. Но возделенной тишины не наступало. Напротив, раздражение росло. Кейт доносил лорду Г. Гренвиллю 9 августа: «Между гвардейцами поселился скрытый дух вражды и недовольства. Настроение это, усиленное постепенным брожением, достигло такой силы, что ночью на прошлой неделе оно разразилось почти открытым мятежом. Солдаты Измайловского полка в полночь взяли за оружие и с большим трудом сдались на увещевания офицеров. Волнения обнаружались, хотя в меньшем размере, две ночи подряд, что сильно озаботило правительство»¹¹³.

31 июля в полках был обнародован собственноручный приказ императрицы, в котором «гвардии солдатам» повелевалось воздержаться «от происходимого ими слышенными безбыточными внушениями беспокойства». «Господам командующим ротами» вменялось в обязанность возобновлять чтение приказа «каждую неделю» «два раза всем чинам». Мейнерцгаген сообщал, что результатом волнений стали «аресты и высылка множества офицеров и солдат из столицы»¹¹⁴. Информацию об арестах подтверждал и Кейт.

НАГРАДЫ

Отчасти погасить пламень недовольства призваны были награды за участие в перевороте. Сообщение о них опубликовали в «Санкт-Петербургских ведомостях» 9 августа, в самый разгар брожений. Пожалованными оказались 454 человека. Общая сумма раздач достигла миллиона рублей. Разумовский, Волконский, Панин получили пожизненные ежегодные пенсии в 5 тыс. рублей. Дашкова — 24 тыс. рублей единовременно. Теплов — 20 тыс. рублей¹¹⁵.

Многие заговорщики вместе с военными были пожалованы и придворными чинами. Этим шагом Екатерина старалась разбавить вельможное окружение за счет выходцев из гвардии и приобрести дополнительную опору при дворе. Кроме того,

производились награды населенными имениями, что было особенно важно для небогатых заговорщиков — опять же для полковой, гвардейской среды. В зависимости от вклада, они получали по 800, 600 и 300 душ.

Особо обсуждались награды Орловых. Григорий — камергер, Алексей — секунд-майор Преображенского полка, Федор — капитан Семеновского. Двое старших — кавалеры ордена Св. Александра Невского. Каждый получил по 800 крестьян¹¹⁶.

Черновик этого документа весьма отличался от окончательного варианта. В нем на первом месте были перечислены фамилии гвардейских заговорщиков: Григорий, Алексей, Федор Орловы и Пассек, Бредихин, Барятинский¹¹⁷. Затем шли остальные. В опубликованном варианте вельможи выступили вперед, что соответствовало их официальным чинам и не нарушало субординации. Но запись, сделанная Екатериной для себя, точно показывает, кого она считала творцами победы.

Любопытная метаморфоза произошла с Дашковой. В черновике княгиня замыкала список пожалований с суммой в 12 тыс. рублей. А вот в окончательном варианте награда возросла до 24 тыс., кроме того, Екатерина Романовна была пожалована в кавалеры ордена св. Екатерины¹¹⁸. Изменилось и ее место в реестре, поскольку к верхним строчкам поднялись все вельможные заговорщики. Теперь ее имя шло четвертым, сразу после Разумовского, Волконского и Панина. Что повлияло на решение императрицы? Была ли она в начале раздосадована на подругу, а потом отдала ей справедливость? Попросил ли за княгиню Панин? Или государыня пыталась сгладить обострившиеся отношения? Дашкова не стеснялась в высказываниях касательно Орловых. Быть может, деньги предназначались для того, чтобы смягчить ее и сделать более скромной?

Пожалование не помогло. Оно было принято едва ли не как оскорбление. В «Записках» княгиня настаивала, что хотела «уклониться от наград, претивших» ее «нравственному чувству». Когда Екатерина собиралась возложить на подругу ленту, то услышала: «Не жалуйте мне этого ордена; как украшению я не придаю ему никакой цены; если же вы хотите вознаградить меня им за мои заслуги, то... в моих глазах им нет цены, и за них нельзя ничем вознаградить, так как меня никогда нельзя было... купить никакими почестями и наградами».

По словам княгини, она была удивлена, что ее причислили к первому разряду заговорщиков: «Я не воспользовалась разрешением взять земли или деньги, твердо решив не трогать этих двадцати четырех тыс. рублей. Некоторые из участников переворота не одобряли моего бескорыстия, так что... я велела составить список долгов моего мужа и назначила эту сумму для выкупа векселей... что и было исполнено кабинетом ее величества»¹¹⁹.

Создается впечатление, что Дашкова действительно не притрагивалась к сумме, все за нее сделали чиновники. Но это не так. Сохранилась записка императрицы 5 августа: «Выдать княгине Катерине Дашковой за ее ко мне и отечеству отменные заслуги 24 000 рублей»¹²⁰. Таким образом, деньги были выплачены одновременно и еще до обнародования остальных наград. С княгиней расплатились раньше, чем с другими заговорщиками.

Удивление Дашковой кажется странным. Ведь она была убеждена, что Екатерина именно ей обязана короной. Что же необычного в причислении к «первому разряду»? Вероятно, к августу отношения подруг были уже столь натянутыми, что княгиня ожидала черной неблагодарности. Екатерина, напротив, сделала шаг к сближению. На коронацию в Москву Дашкова поедет с императрицей в одной карете. Наша героиня с самого начала старалась не допустить открытого разрыва в кругу сторонников и искала помощи у подруги. В тревожной обстановке июля — августа это было особенно важно.

Пока принятые правительством меры по «утушению» волнений не приносили плодов. 10 августа Гольц подробнейшим образом описал Фридриху II обстановку в Петербурге: «Волнения... далеко не успокоены, а напротив, постоянно усиливаются. Не проходит почти ни одной ночи, чтобы толпа недовольных не являлась ко дворцу и не

требовала бы разрешения видеть императрицу. Она иногда является лично, иногда посылает успокаивать их кого-нибудь другого, давая денежные подачки мятежникам.

Так как Измайловский гвардейский полк и конная гвардия... в день переворота всецело предалась императрице, то к обоим этим полкам относятся теперь с презрением и вся остальная гвардия, и полевые гарнизонные полки, стоящие здесь, и кирасиры покойного императора, и флотские.

Не проходит дня без столкновений этих двух партий. Артиллерийский корпус до сих пор еще не принял ничьей стороны. Двор, дойдя до крайности, роздал Измайловскому полку патроны, что встревожило остальную гвардию и гарнизон. Мятежники говорят, что императрица, захватив власть без всякого права, извела мужа; что, притворяясь набожной, она смеется над религией; что они ясно видят, как торопится она коронованием, но что она никогда этого не добьется; наконец, что они желают иметь своим монархом Ивана. Все эти разговоры ведутся открыто»¹²¹.

Можно ли считать эти волнения серьезной угрозой власти Екатерины? Обычно историю переворота 1762 г. принято излагать, выделяя главные точки: «революция» в столице, поход на Петергоф, убийство Петра III, отъезд императрицы на коронацию. При этом возмущение в городе после известия о смерти государя практически опускается. Благодаря чему создается впечатление, что переворот прошел почти гладко, без риска для нашей героини потерять корону.

Однако нет оснований закрывать глаза на то, что всплески в гвардии ни на день не утихали и продолжались до самой отправки в Москву. Особенно опасными были первые несколько суток после гибели свергнутого императора. Если принять версию о том, что Екатерина тайно приказала устранить мужа, то придется признать ее недальновидным политиком. Ведь риск лишиться престола был весьма велик.

Если же учесть возможность заговора вельмож, то сам собой возникает вопрос, почему он не удался? Несмотря на потерю репутации, признания в стиле: случившееся «роняет меня в грязь» — Екатерина не отошла в тень, не вернулась к идее регентства и не предоставила престол сыну. Значит, заключает Каменский, что-то в данном плане пошло не так¹²².

Полагаем, *не так* пошли именно народные брожения. Ни разу не всплыло имя великого князя Павла. Вместо него на все лады повторялось другое — Ивана Антоновича. Послы и раньше доносили, что к бедному шлиссельбургскому узнику относятся с особым уважением, даже любовью. В народе его жалели, считали страдальцем. Что же до маленького Павла, то здесь Петр Федорович сыграл с сыном злую шутку. Он так демонстративно отказывался от мальчика, так старательно исключал его имя из манифестов, что создал ребенку репутацию незаконного. В момент переворота Павел не пользовался ни малейшей популярностью. Горячие головы, склонные продолжить мятеж, выкликали Ивана Антоновича. И обе партии сторонников Екатерины — непримиримые враги между собой — на время снова оказались в одной лодке. Появление Иоанна VI было невыгодно им в равной мере. Поэтому Панин, Разумовский, Теплов приложили к успокоению солдат столько же усилий, сколько Орловы.

К счастью для них, на сей раз у мятежников не было ни центра, ни руководителя. «Единственное благоприятное для двора обстоятельство, — писал Гольц, — ...состоит в том, что недовольные (в сущности, гораздо более многочисленные, чем остальные) решительно не имеют вождя. Иначе буря неминуемо разразилась бы уже несколько дней тому назад резнею полков между собой, за которой последовал бы грабеж города, причем, по всей вероятности, иностранцы сделались бы жертвою.

Действия двора показывают, что он старается устранить всех тех, кто мог бы стать во главе недовольных... Опасаются, особенно за фельдмаршала [Миниха], что солдаты, среди которых он пользуется большим уважением, могут явиться к нему однажды ночью

с предложением встать во главе их и принудить его у этому силой в случае его отказа»¹²³.

Миниха спешно отправили инспектировать строящийся порт и укрепления в Рогервике. Брожения погасили отчасти раздачами, отчасти арестами. Отчасти они сами сошли на нет, а отчасти остались тлеть под спудом до коронационных торжеств, когда в гвардии было открыто несколько локальных заговоров. Недаром Гольц засвидетельствовал, что ушедшие в старую столицу полки унесли с собой и свое раздражение: «Часть гвардии, восемь дней тому назад отправленная в Москву, отказывается продолжать путь, и офицеры, явившиеся объявить об этом двору, не в состоянии заставить их идти далее». То была лишь первая ласточка крупных неприятностей, ожидавших императрицу в Первопрестольной.

И все же она выиграла. Захватила и удержала корону. Сохранила главных соратников. Избавилась от угрозы контрпереворота в пользу мужа. Не вступила в повторную войну. Кажется, что удача позолотила нашей героине руку. Потому что без завидной доли везения, справиться со всеми навалившимися на нее бедами было невозможно. Даже раскол в рядах вчерашних союзников только укрепил ее власть. Рюльер имел полное право сделать вывод: «Императрица не опасалась больше соперника, кроме собственного сына, против которого она, казалось, себя обеспечила, поверив главное управление делами графу Панину... Доверенность, которою пользовался сей министр, противопоставлялась всегда могуществу Орловых, поэтому двор разделялся на две партии... и императрица посреди обоих управляла самовластно»¹²⁴.

Мы расстаемся с нашей героиней в один из самых трагических и в то же время триумфальных моментов ее жизни. Она стала собой. Сделала первый шаг к реализации своего персонального мифа — Премудрой Матери Отечества, великой преобразовательницы, философа на троне. Куколка лопнула, бабочка вылетела на свет. Отныне счастье и успех будут сопутствовать ей непрерывно. И за это она заплатит исключительно высокую цену.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. БЕСПОКОЙНЫЙ ДУХ

Мы постарались показать, что короткое царствование Петра III — вовсе не досадное недоразумение в русской истории. Оно продемонстрировало необходимость новой волны европеизационных реформ и дало понять власть предержавшим, *как их не надо* проводить. Впереди лежало почти четыре десятилетия долгого, стабильного правления, когда многое удалось сделать.

Стал ли несчастный Петр Федорович жертвой своих поспешных начинаний? Трудного характера? Психического расстройства? Всего понемногу. Его гибель в результате переворота — роковая и, к сожалению, неизбежная развязка. Однако, говоря об этом государе, следует избавиться от одного несправедливого мнения.

Из историографии часто создается впечатление, будто наследник Елизаветы Петровны стоял особняком в ряду русских монархов. Был им совершенно чужд. Перефразируя слова Александра Дюма о Людовике XIII: «Ничего от Генриха IV, ничего от Франции» — можно сказать: «Ничего от Петра Великого, ничего от России». Но это неправда.

Ведь у Петра I были не только высокие, но и низкие качества, шокировавшие окружающих. Шутовство, стремление издеваться, передразнивать, эскапада, так ярко проявившиеся во «Всешутейшем и всепьянейшем соборе». Не был Петр Великий и прирожденным храбрецом, достаточно вспомнить, как в ночь стрелецкого бунта 1689 г. молодой царь в одном исподнем ускакал в Троице-Сергиев монастырь, бросив в Преображенском мать и жену.

Но в отличие от внука, Петр I сумел перешагнуть через юношеский страх. Недаром 28 июня 1762 г. фельдмаршал Миних советовал императору лично явиться перед восставшей гвардией, как делал его дед, одно присутствие которого не раз прекращало брожения в войсках. Победа над собственным страхом — это ли не настоящая смелость? Но Петру Федоровичу не суждено было с честью преодолеть испытание — в роковой день он колебался и пасовал перед опасностью. Много позже его внук, великий князь Николай Павлович, составляя ученическое эссе о Французской революции, напишет, что Людовик XVI не исполнил долга перед подданными, так как «не покусился защитить свою власть». О Петре III можно было сказать то же самое. Император «не покусился» защитить даже самого себя. Почему целая страна должна была рассчитывать на его защиту?

Все это не исключает семейного сходства. Не принято замечать, но Елизавета Петровна и ее племянник во многом напоминали друг друга. Оба нервные, легко возбудимые, упрямые, предававшие огромное значение мелочам, за которыми терялось целое. Недаром Екатерина писала, что тетка и муж готовы были прицепиться к каждому слову. Наша героиня отметила и другое: любовь Петра не сидеть на месте, а беспрестанно ходить большими шагами по комнате, отчего во время разговора за ним трудно было поспевать. Эту черту приписывали желудочным коликам. Но тем же свойством обладала и Елизавета: «Во время богослужения она обыкновенно не подолгу стояла на одном и том же месте, а переходила по церкви с одного места на другое»¹²⁵.

Пристальное внимание великого князя к малейшим деталям военной формы, так ярко проявившееся впоследствии у Павла I и его сыновей, имело аналог в жестком диктате, который Елизавета установила на дамскую моду. Стремление выговаривать тому или иному придворному за его одежду, срезать ленточки и локоны у фрейлин было сродни придиркам к ремешкам, пуговицам, темлякам и офицерским тростям во фрунте. Так находило выход копившееся у монарха раздражение. Страсть распекать — отличительная черта Елизаветы, Петра Федоровича, затем Павла I, Константина и Михаила Павловичей и отчасти Николая I, которых боялись, как огня.

Эта особенность не свидетельствует в пользу психической уравновешенности. О сходстве характеров Петра III и Павла I сказано немало. В нарочитой живости отца, а затем сына было нечто болезненное, передавшееся и внукам. Наставник великих князей Александра и Константина, Цезарь Лагарп, писал о последнем: «Редко можно встретить молодых людей до такой степени живых... ни одной минуты покойной, всегда в движении; не замечая, куда идет и где ставит ногу, он непременно выпрыгнул бы из окошка, если бы за ним не следили»¹²⁶. Не таков ли был и Петр?

Лагарп подмечал и другое сходство — «счастливые задатки», возбуждавшие у окружающих «блестящие надежды», при отсутствии умения «сосредотачивать внимание на известном предмете» и невозможность «побороть упрямство». Но вспомним, Елизавета Петровна при глубоком уме, отмеченном у нее Екатериной II, тоже не могла долго сосредотачиваться на чем-то и скучала государственными делами. Ее нервозность проявлялась в перескакивании с одной мелочи на другую.

Даже самые недоброжелательные наблюдатели признавали за Петром III остроумие. Весьма остроумен и просто умен был его сын, Павел I, в котором, так же как и в отце, а еще раньше в Петре Великом, подмечали «сумасшедшинку». Большим острословом называли великого князя Михаила Павловича. Завидуя успеху брата, Николай Павлович в юности тоже пробовал шутить, но это выходило у него грубо и неудачно. Лучше всего у царевича, как и у деда, получалось передразнить. Однако Николай вскоре заметил, что его насмешки задевают окружающих, над чем Петр III никогда даже не задумывался. Усилием воли великий князь заставил себя отказаться от привычки обидно острить. Он вообще сознательно выкорчевывал в себе дедовские черты — упрямство, лень, своеволие — полагая их собственными дурными качествами. Суровые наставники вроде генерала Ламсдорфа не сумели сломить подопечного, но тот

сломил себя сам. Позднее Николай написал жене, что «много страдал» из-за необходимости менять характер ввиду будущей короны. Именно этого Петр Федорович сделать не захотел.

Еще одна черта, отмеченная Екатериной в ее несчастном муже, — проницательность (правда, без здравомыслия) — была вместе с наследственной елизаветинской подозрительностью и скрытностью присуща Александру I, недаром Наполеон назвал его «византийским греком».

Буквально копией деда в поведенческом плане считали Константина Павловича. Он, как и Петр, ставил молодую жену с ружьем на плече на часы у двери. Выкручивал и кусал ей руки, не понимая, что она плачет от боли. Заряжал пойманными крысами пушки и приказывал стрелять ими по стенам, выбирая «побольше и пожирнее»¹²⁷. Не смотря на эксцентричные выходки, бабушка Екатерина II любила вспыльчивого Константина не меньше, чем кроткого Александра. «Косенька» казался ей прямым, бесхитростным, храбрым... Мало кто знает, что апоплексический удар, постигший императрицу в 1796 г., следует связывать не только с неудачным сватовством шведского короля к великой княжне Александре Павловне, но и с поступком Константина. Буквально за несколько дней до смерти Екатерина узнала, что внук отдал приказ крайне жестоко наказать одного из часовых, отчего последний умер. Императрица была потрясена: она вдруг увидела Константина другими глазами, заметила в нем ненавистные черты Петра III. Можно сказать, что покойный муж отомстил ей из могилы.

Был и другой потомок, манеры которого через два поколения повторяли Петра III. Зимой 1833 г. принц Вильгельм Оранский, женатый на великой княжне Анне Павловне, привез в Петербург своего старшего сына и тезку (будущего короля Нидерландов Вильгельма III). Он был «настоящий остолоп», — писала о кузене дочь Николая I, царица Ольга. «Он был влюблен в Мари (великую княжну Марию Николаевну. — О. Е.). ...Никто не хотел с ним иметь дела, постоянно приходилось удалять его насильно, и когда его воспитатели брали его под руки, он награждал их пинками ног... Во время игры в серсо он втыкал нам булавки, о которые мы кололись, и когда, утомленные игрой, мы хотели отдышаться, он лил нам воду на затылок»¹²⁸. Это ли не Петр III в лучших проявлениях? Создается впечатление, что беспокойный дух убитого императора, мучивший романовскую родню, ушел в побочную голландскую ветвь.

Легко заметить, что Петр III соединял большинство дурных семейных качеств при крайне скудном запасе добрых. Он словно концентрировал все недостатки в одном лице. Неудивительно, что его стыдились. Но несчастный император был плоть от плоти своих предков и потомков. В каждом из них жил его маленький образ. И каждый должен был либо задушить в себе пращура, как сделал Николай I. Либо пойти на поводу у худших наследственных черт, как произошло с Павлом I, цесаревичем Константином, Вильгельмом III...

Все зависело от личного нравственного выбора.

¹ Ассебург А. Ф. Указ. соч. С. 299.

² Понятовский С. А. Мемуары. М., 1995. С. 165.

³ Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...» Л., 1992. С. 134.

⁴ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 50.

⁵ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 96–97.

⁶ Архив князя Воронцова. Кн. V. Ч. I. М., 1872. С. 145, 172.

⁷ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 165.

⁸ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 95.

⁹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIII. Т. 25. М., 1994. С. 125.

¹⁰ Писаренко К. А. Несколько дней из истории «уединенного и приятного местечка» // Загадки русской истории. XVIII в. М., 2000. С. 386.

¹¹ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885. Т. I. С. 128.

-
- ¹² Рюльер К. К. Указ. соч. С. 96.
- ¹³ Шумахер А. Указ. соч. С. 292.
- ¹⁴ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 96.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 637.
- ¹⁷ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 165.
- ¹⁸ Екатерина II. Продолжение анекдотов // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 339.
- ¹⁹ См.: Писаренко К. А. Указ. соч. С. 342.
- ²⁰ Шумахер А. Указ. соч. С. 290.
- ²¹ Державин Г. Р. Сочинения. М., 1984. С. 36.
- ²² Три письма Петра III из Ропши к Екатерине II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 268.
- ²³ Иванов О. А. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995, № 11. С. 18.
- ²⁴ См.: ПСЗ. Т. XXIV. № 177759.
- ²⁵ Шумахер А. Указ. соч. С. 292.
- ²⁶ Штелин Я. Указ. соч. С. 42.
- ²⁷ Сиверс Д. Р. Указ. соч. С. 334–335.
- ²⁸ Шумахер А. Указ. соч. С. 298.
- ²⁹ Три письма Петра III из Ропши к Екатерине II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 269.
- ³⁰ Шумахер А. Указ. соч. С. 298.
- ³¹ Сб. РИО. СПб., 1873. Т. VII. С. 107.
- ³² Шумахер А. Указ. соч. С. 298.
- ³³ Писаренко К. А. Указ. соч. С. 349.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1. № 25. Л. 7.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. № 1229. Л. 446.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 1. № 25. Л. 8.
- ³⁷ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 165.
- ³⁸ Шумахер А. Указ. соч. С. 298.
- ³⁹ Иванов О. А. Указ. соч. С. 15, 16.
- ⁴⁰ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 638.
- ⁴¹ Штелин Я. Записка о последних днях царствования Петра III // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 320.
- ⁴² Иванов О. А. Указ. соч. // Московский журнал. 1995, № 11. С. 17.
- ⁴³ Позье И. Записки // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 331.
- ⁴⁴ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 637.
- ⁴⁵ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 99.
- ⁴⁶ Шумахер А. Указ. соч. С. 299.
- ⁴⁷ Иванов О. А. Указ. соч. № 9. С. 19.
- ⁴⁸ Понятовский С. А. Указ. соч. С. 165.
- ⁴⁹ 590 Манифесты по поводу восшествия на престол императрицы Екатерины II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 279.
- ⁵⁰ См.: Бильбасов В. А. История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. II. С. 124–129.
- ⁵¹ См.: Писаренко К. А. Указ. соч. С. 332–333.
- ⁵² Понятовский С. А. Указ. соч. С. 165.
- ⁵³ Екатерина II – С. А. Понятовскому // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 311.
- ⁵⁴ Выскочков Л. В. Николай I. М., 2006. С. 492–497.
- ⁵⁵ Письма графа А. Г. Орлова Екатерине II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 271.
- ⁵⁶ См.: Плугин В. А. Указ. соч. С. 122.
- ⁵⁷ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 55–56.
- ⁵⁸ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 137.
- ⁵⁹ Сб. РИО. СПб., 1876. Т. XVII. С. 44.
- ⁶⁰ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 100.
- ⁶¹ Тургенев А. Н. Указ. соч. С. 227.
- ⁶² Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 81–82.
- ⁶³ Там же. С. 55.
- ⁶⁴ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 113–114.
- ⁶⁵ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 133.
- ⁶⁶ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 55.
- ⁶⁷ Русский Архив. 1890. Кн. III. № 12. С. 553.
- ⁶⁸ Корберон М. Д. Интимный дневник // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 126–127.
- ⁶⁹ Тургенев А. Н. Указ. соч. С. 228.
- ⁷⁰ Шумахер А. Указ. соч. С. 299.
- ⁷¹ Тургенев А. Н. Указ. соч. С. 228.
- ⁷² Понятовский С. А. Указ. соч. С. 173, 174.

-
- ⁷³ Исторический вестник. 1884, № 10. С. 11.
- ⁷⁴ Дашкова Е. Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 55–56.
- ⁷⁵ Письма графа А. Г. Орлова к Екатерине II // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 271.
- ⁷⁶ Иванов О. А. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995, №№ 9, 11, 12; 1996, №№ 1, 2, 3.
- ⁷⁷ Тургенев А. Н. Указ. соч. С. 226.
- ⁷⁸ См.: Плугин В. А. Указ. соч. С. 280.
- ⁷⁹ Тургенев А. Н. Указ. соч. С. 274.
- ⁸⁰ Шумахер А. Указ. соч. С. 299–300.
- ⁸¹ Мыльников А. И. Петр III. М., 2002. С. 228.
- ⁸² Отечественная история. 1998, № 1. С. 195.
- ⁸³ Овчинников Р. В. Из наблюдений над источниками «Истории Пугачева» и «Капитанской дочери» А. С. Пушкина // История СССР. 1991, № 3. С. 146–158.
- ⁸⁴ Русский архив. 1904. Т. III. № 11. С. 420–421.
- ⁸⁵ Писаренко К. А. Несколько дней из истории «уединенного и приятного местечка» // Загадки русской истории. XVIII в. М., 2000. С. 290–300.
- ⁸⁶ Русская философия второй половины XVIII в.: Хрестоматия / Сост. Б. В. Емельянова. Свердловск, 1990. С. 212–213.
- ⁸⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIII. Т. 25. М., 1994. С. 119.
- ⁸⁸ Знаменитые россияне XVIII–XIX вв. СПб., 1996. С. 204–205.
- ⁸⁹ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 637–638.
- ⁹⁰ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 35.
- ⁹¹ Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1866. Т. 3. С. 621.
- ⁹² Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 72.
- ⁹³ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 120.
- ⁹⁴ Там же. С. 73.
- ⁹⁵ Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...» Л., 1992. С. 143.
- ⁹⁶ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 99.
- ⁹⁷ Шумахер А. Указ. соч. С. 291.
- ⁹⁸ Записки княгини Е. Р. Дашковой. Репринтное воспроизведение издания 1859 года. М., 1990. С. 373.
- ⁹⁹ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 638.
- ¹⁰⁰ Понятовский С. А. Мемуары. М., 1995. С. 171, 173.
- ¹⁰¹ Плугин В. А. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁰² Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 258.
- ¹⁰³ Исторический вестник. 1884, № 10. С. 8.
- ¹⁰⁴ Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 242.
- ¹⁰⁵ Шумахер А. Указ. соч. С. 300–302.
- ¹⁰⁶ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 101.
- ¹⁰⁷ Первые месяцы царствования Екатерины Великой. Из донесений прусского посланника Гольца Фридриху II // Русский архив. 1901, № 11. С. 30.
- ¹⁰⁸ Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 247.
- ¹⁰⁹ Шумахер А. Указ. соч. С. 300–302.
- ¹¹⁰ Екатерина II. О собственном царствовании // Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 478–479.
- ¹¹¹ Исторический вестник. 1884, № 10. С. 11–12.
- ¹¹² Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 258–259.
- ¹¹³ Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 12. С. 37–38.
- ¹¹⁴ Исторический вестник. 1884, № 10. С. 11–12.
- ¹¹⁵ См.: Мадариага И. де. Указ. соч. С. 67–68.
- ¹¹⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 99.
- ¹¹⁷ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. М., 1991. С. 135.
- ¹¹⁸ Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 108–110.
- ¹¹⁹ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 51–53.
- ¹²⁰ Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 132.
- ¹²¹ Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 257–258.
- ¹²² Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 82.

---

¹²³ Донесения прусского посланника Гольца Фридриху II о восшествии на престол Екатерины Великой // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 257–258.

¹²⁴ Рюльер К. К. Указ. соч. С. 104.

¹²⁵ Екатерина II. Записки // Слово. 1989, № 2. С. 88.

¹²⁶ Кучерская М. А. Константин Павлович. М., 2005. С. 38.

¹²⁷ Там же. С. 51–53.

¹²⁸ Стрижак Н., Соколов А., Раскин Д. Анна Павловна. Русская принцесса на голландском троне. СПб., 2003. С. 47–48.